

# Голсуорси Джон

## Толпа

Джон Голсуорси

Толпа

Драма в четырех действиях

Перевод Б. Б. Томашевского

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Стивен Мор, член парламента.

Кэтрин, его жена.

Олив, их маленькая дочь.

Настоятель Стауэрского собора, дядя Кэтрин.

Генерал сэръ Джон Джулиан, ее отец.

Капитан Хьюберт Джулиан, ее брат.

Элен, его жена.

Эдуард Мендип, редактор газеты "Парфенон".

Аллен Стил, секретарь Мора.

Джеймс Хоум, архитектор |

Чарлз Шелдер, адвокат } депутация избирателей Мооа.

Марк Уэис, книготорговец |

Уильям Бэннинг, фабрикант |

Няня.

Рефорд, ее сын, вестовой Хьюберта.

Невеста Рефорда.

Генри, лакей.

Швейцар.

Несколько джентльменов в черных костюмах.

Студент.

Девушка.

Толпа горожан.

Действие первое. Столовая в лондонском доме Мора. Вечер.

Действие второе. Там же. Утро. Действие третье.

Картина первая. Переулок в окрестностях Лондона, куда выходит задний фасад небольшого театра. Картина вторая. Спальня Кэтрин.

Действие четвертое. Столовая в доме Мора. Вторая половина дня. Эпилог. Одна из лондонских площадей. На рассвете.

Между первым и вторым действиями проходит несколько дней. Между вторым и третьим действиями - три месяца. Первая и вторая картины третьего действия происходят немедленно одна за другой. Между третьим и четвертым действиями проходит несколько часов. Между четвертым действием и заключительной

картиной проходит неопределенный промежуток времени.

### ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Июльский вечер. Половина десятого. Столовая, освещенная канделябрами, отделанная ярко-синими обоями и убранная коврами и портьерами того же цвета. Высокие стеклянные двери между колоннами открыты; они выходят на широкую террасу, за которой видны во тьме силуэты деревьев, а вдали - очертания освещенных домов. С одной стороны "фонарь" (глубокий выступ комнаты или ниша с окном), наполовину прикрытый задернутыми портьерами. Напротив него дверь, ведущая в переднюю. За овальным палисандровым столом, уставленным серебром, цветами, фруктами и бутылками вина, сидят шесть человек. Они только что кончили обедать. Спиной к "фонарю" сидит Стивен Мор, хозяин дома, человек лет сорока; у него приятное лицо, обаятельная улыбка и глаза мечтателя. Справа от него - сэр Джон Джулиан, старый солдат; у него загорелое лицо с тонкими чертами и седые усы. Справа от сэра Джона его брат, настоятель Стауэрского собора, высокий, смуглый священник аскетического вида; далее справа - Кэтрин; она наклонилась вперед и положила локти на стол; подперев подбородок ладонями, она пристально смотрит через стол на своего мужа; справа от нее сидит Эдуард Мендип, бледный человек лет сорока пяти, почти совсем лысый, у него красивый лоб и на резко очерченных губах играет широкая улыбка, так что видны его зубы; между ним и Мором - Элен Джулиан, хорошенькая темноволосая молодая женщина, погруженная в собственные мысли. Когда поднимается занавес, слышны голоса людей, горячо спорящих между собою.

Настоятель. Я с тобой не согласен, Стивен, абсолютно и полностью не согласен.

Мор. Ну что ж, я тут ничего не могу поделать.

Мендип. Вспомни одну из недавних войн, Стивен! Разве твои рыцарские взгляды принесли тогда какую-нибудь пользу? И то, на что смотрели сквозь пальцы, когда ты был молодым и мало кому известным членом парламента, на заместителя министра может навлечь анафему. Ты не вправе себе это позволить...

Мор. Я не вправе позволить себе следовать призыву совести? Вот это новость, Мендип.

Мендип. Даже самые высокие идеалы могут быть неуместными, мой друг.

Настоятель. Правительство имеет здесь дело с диким народом, не признающим никаких законов, и я думаю, что питать к нему сочувствие или жалость нет никакого смысла.

Мор. Их тоже сотворил господь, настоятель.

Мендип. В этом я сомневаюсь.

Настоятель. Они оказались вероломными. Мы имеем право покарать их.

Мор. Если я подойду и ударю беспомощного человека, а он в ответ на это ударит меня, разве я имею право карать его?

Сэр Джон. Не мы явились зачинщиками.

Мор. Как? А наши миссионеры и наша торговля?

Настоятель. Вот это действительно новость. На благодеяния цивилизации они станут отвечать насилиями и убийством, а ты будешь подыскивать оправдания? Разве ты забыл Глэйва и Морлинсона?

Сэр Джон. Верно. А несчастный Грум и его жена?

Мор. Они отправились в дикую страну, зная, что тамошние племена настроены против них, и действовали там по собственной инициативе. Какое дело всему нашему народу до злоключений отдельных авантюристов?

Сэр Джон. Но мы не можем равнодушно смотреть на то, как расправляются с нашими соотечественниками.

Настоятель. Разве устанавливаемые нами порядки не являются благодеянием, Стивен?

Мор. Иногда да. Но я всем сердцем отвергаю мнение, будто наше владычество может облагодетельствовать такой народ, как этот, народ, принадлежащий к особой расе и отличающийся от нас, как свет от

тьмы, по цвету кожи, по религии, по всему. Мы можем только извратить их здоровые инстинкты.

Настоятель. Вот эта точка зрения для меня совершенно непостижима.

Мендип. Если развить твою философию до логического конца, Стивен, то она приведет к застою. Только на небе есть неизменные звезды, на земле их нет. Нации не могут жить изолированно, не вмешиваясь в дела других наций.

Мор. Во всяком случае, большие нации могли бы не вмешиваться в дела малых.

Мендип. Если бы они не вмешивались, то не было бы больших наций. Дорогой мой, мы знаем, что малые нации - это твой конек. Но министерский пост должен был бы хоть немного утихомирить тебя.

Сэр Джон. Я служил своей родине пятьдесят лет и утверждаю, что она ни в чем не преступила законов справедливости.

Мор. Я тоже надеюсь прослужить ей пятьдесят лет, сэр Джон, но я заявляю, что сейчас она действует несправедливо.

Мендип. Бывают моменты, когда таких вещей просто нельзя говорить!

Мор. И все-таки я выступлю. И не далее как сегодня вечером, Мендип.

Мендип. В палате общин?

Мор кивает.

Кэтрин. Стивен!

Мендип. Миссис Мор, вы не должны допускать этого. Это - сумасшествие!

Мор (вставая). Можете завтра сообщить об этом читателям, Мендип. Посвятите моему выступлению передовую статью в своем "Парфеноне".

Мендип. Политическое безумие! Человек, занимающий такой пост, как ты, не имеет права давать волю своим чувствам накануне серьезных событий!

Мор. Я никогда не скрывал своих чувств. Я против этой войны и против тех захватнических актов, к которым, как все мы знаем, она приведет.

Мендип. Дорогой мой! Не будь донкихотом. Война вот-вот начнется, и никакие твои усилия не смогут предотвратить ее.

Элен. Нет, не может быть!

Мендип. Боюсь, что так, миссис Хьюберт.

Сэр Джон. В этом нет сомнения, Элен.

Мендип (Мору). Значит, ты собираешься воевать с ветряными мельницами?

Мор кивает.

Мендип. *C'est magnifique!* {Вот это великолепно! (франц.)}

Мор. Я делаю это не ради дешевой популярности.

Мендип. Но именно так ты ее и добьешься!

Мор. Что ж! Хотя бы даже такой ценой, но я должен иногда говорить правду.

Сэр Джон. То, что ты собираешься говорить, неправда.

Мендип. Чем величественнее правда, тем огромнее клевета и тем сильнее она ранит.

Настоятель (пытаясь успокоить и примирить спорящих). Мой дорогой Стивен, даже если бы ты был прав в своих исходных построениях, - с чем я, впрочем, не могу согласиться, - безусловно, бывает время, когда совесть одного человека должна покориться общему настроению, чувству всей страны. Речь идет о нашей национальной чести.

Сэр Джон. Прекрасно сказано, Джеймс!

Мор. Нации - плохие судьи в вопросах собственной чести, настоятель!

Настоятель. Таких мнений я разделять не могу!

Мор. Естественно. Они недостаточно осмотрительны.

Кэтрин (останавливая настоятеля). Дядя Джеймс! Прошу вас!

Мор внимательно смотрит на нее.

Сэр Джон. Значит, ты собираешься стать во главе группы смутьянов, погубить свою карьеру и заставить меня краснеть за то, что ты мой зять?

Мор. Разве человек должен исповедовать только те убеждения, которые пользуются всеобщим признанием? Вы сами достаточно часто подставляли себя под выстрелы, сэр Джон.

Сэр Джон. Но я никогда не подставлял себя под выстрелы своих соотечественников... Помни: твоя речь будет опубликована во всех иностранных газетах; будь уверен, они ухватятся за все, что может

быть использовано против нас. Как вам это нравится: саморазоблачение перед другими государствами!

Мор. Вы все-таки признаете, что это будет саморазоблачением?

Сэр Джон. Я? Нет, сэр.

Настоятель. Создавшемуся в тех краях положению надо положить конец раз и навсегда. Оно стало уже невыносимым. Ну, а ты, Кэтрин, почему ты не поддерживаешь нас?

Мор. Моя страна, права она или нет! Пусть она виновата, все равно будь верен своей стране.

Мендип. Это еще вопрос.

Кэтрин поднимается с места. Настоятель тоже встает.

Настоятель (тихо). *Quem Deus vult perdere!*.. {Начало латинской поговорки: "*Quem Deus perdere vult, prius dementat*" ("Кого бог хочет покарать, того он сперва лишает разума").}

Сэр Джон. Это не патриотично! Мор. Я не желаю поддерживать тиранию и насилие!

Кэтрин. Отец вовсе не поддерживает тирании. И никто из нас ее не поддерживает, Стивен.

Входит Хьюберт Джулиан, высокий человек с военной выправкой.

Элен. Хьюберт! (Встает и идет к нему.) Они тихо беседуют у двери.

Сэр Джон. Так объясни нам, ради бога, чего ты хочешь? По чистой совести, мы терпели достаточно долго.

Мор. Сэр Джон, мы, великие державы, должны изменить свою политику в отношении слабых наций. Даже собаки могут служить нам примером,- посмотрите, как ведет себя большая собака с маленькой.

Мендип. Нет, нет, все это не так просто.

Мор. Я не вижу причин, Мендип, почему бы благородству не стать основой отношений между нациями - хотя бы в такой степени, как у собак!

Мендип. Мой дорогой друг, неужели ты хочешь сделаться жалким отщепенцем, борцом за безнадежное дело?

Мор. Это - дело не безнадежное.

Мендип. Правое оно или неправое, но это - самое безнадежное дело на свете. Никогда еще слово "патриотизм" не возбуждало толпу

так, как сейчас. Берегись толпы, Стивен, берегись толпы!

Мор. И только потому, что господствующее настроение идет вразрез с моими взглядами, я, политический деятель, должен отказаться от своих убеждений?! Дело не в том, прав я или не прав, Мендип, а в том, что вы все заставляете меня трусливо отмежеваться от своих взглядов только потому, что они не популярны.

Настоятель. Боюсь, мне пора идти. (К Кэтрин.) Спокойной ночи, моя дорогая! А! Хьюберт! (Здоровается с Хьюбертом.) Мистер Мендип, нам по пути. Хотите, я подвезу вас?

Мендип. Благодарю вас. Доброй ночи, миссис Мор. Остановите его! Он себя губит. (Выходит вместе с настоятелем.)

Кэтрин берет Элен под руку и уводит ее из комнаты. Хьюберт остается стоять у двери.

Сэр Джон. Я знал, что по многим вопросам ты придерживаешься весьма крайних взглядов, Стивен, но я никогда не думал, что муж моей дочери окажется пораженцем, готовым отстаивать мир любой ценой.

Мор. Я вовсе не таков! Но уж если драться, то я предпочитаю драться с кем-нибудь, кто не слабее и не меньше меня!

Сэр Джон. Ну что ж! Мне остается молить бога, чтобы ты очнулся от своего безумия, прежде чем выступишь с этой речью. Мне пора к себе, в военное министерство. До свидания, Хьюберт.

Хьюберт. До свидания, отец.

Сэр Джон выходит. (Стоит неподвижно, явно удрученный.) У нас уже получен приказ.

Мор. Что ты говоришь?! Когда же вы отплываете?

Хьюберт. Немедленно.

Мор. Бедная Элен!

Хьюберт. Еще и года не прошло, как мы поженились. Не повезло нам!

Мор сочувственно притрагивается к его плечу.

Ну что ж! Придется спрятать свои чувства в карман. Послушай, Стивен, не выступай с этой речью! Подумай о Кэтрин, ведь ее отец в военном министерстве, а я уйду на войну, а Ральф и старина Джордж уже там! Ты войдешь в раж и наговоришь бог знает чего!

Мор. Я обязан выступить, Хьюберт.

Хьюберт. Нет, нет! Придержи свои страсти хоть на сегодняшний вечер! Ведь через несколько часов все начнется.

Мор отворачивается от него.

Если тебе наплевать на то, что ты губишь собственную карьеру, то по крайней мере не заставляй Кэтрин разрываться надвое!

Мор. Но ты же не уваливаешь от своего долга ради своей жены.

Хьюберт. Ну вот что я тебе скажу! Ты, я вижу, готов мчаться напролом, не разбирая пути, и потому разобьешься. Там затевается не какой-нибудь пикник! Нам могут всыпать по первое число. Вот увидишь, какие тут страсти разгорятся, когда там, в горах, перережут два-три наших отряда. Это ужасная страна. У горцев современное оружие, и они дерутся, как черти! Брось это дело, слышишь, Стивен!

Мор. Надо же иногда чем-то рисковать, Хьюберт, даже в моей профессии!

Входит Кэтрин.

Хьюберт. Но это безнадежно, старина, абсолютно безнадежно.

Мор отворачивается к окну. Хьюберт повернулся к сестре, потом, сделав жест в сторону Мора, как бы предоставляя дальнейшее ей, выходит.

Кэтрин. Стивен! Неужели ты действительно хочешь выступить с этой речью?

Он кивает.

Я прошу тебя не делать этого.

Мор. Ты ведь знаешь мои убеждения.

Кэтрин. Но ведь это наша родина. Мы не можем отделять себя от нее. Ты ничего не остановишь, только вызовешь к себе всеобщую ненависть. Мне этого не перенести.

Мор. Я уже говорил тебе, Кэт, кто-то должен возвысить голос. Две или три военные неудачи - а они, несомненно, будут - и вся страна придет в ярость и обезумеет. И еще один маленький народ перестанет существовать.

Кэтрин. Если ты веришь в свою страну, ты должен верить: чем больше у нее владений, чем больше могущества, тем лучше это будет для всех.

Мор. Ты в этом убеждена?

Кэтрин. Да.



Мор. Я готов уважать твое мнение. Я даже понимаю его. Но... я не могу присоединиться к нему.

Кэтрин. Но, Стивен, твоя речь будет призывом, на который откликнутся всякие сумасброды, все, кто затаил злобу на родную страну. Они сделают тебя своим знаменем.

Мор улыбается.

Да, да! И ты упустишь возможность стать членом кабинета, тебе придется, может быть, даже подать в отставку и уйти из парламента.

Мор. Собаки лают - ветер носит!

Кэтрин. Нет, нет! Ведь если ты берешься за какое-нибудь дело, ты всегда доводишь его до конца; а что хорошего может получиться на этот раз?

Мор. По крайней мере история не скажет: "И они совершили это без единого протеста со стороны своих общественных деятелей!"

Кэтрин. Есть многие другие, кто...

Мор. Поэты?

Кэтрин. Ты помнишь тот день во время нашего медового месяца, когда мы поднимались на Бен-Лоуэрс? Ты лежал, уткнувшись лицом в вереск, и говорил, что тебе кажется, будто ты целуешь любимую женщину. В небе звенел жаворонок, и ты сказал, что это голос великой любви. Холмы были в синей дымке. И поэтому мы решили отделать эту комнату в синих тонах: ведь это цвет нашей страны! {Синий цвет считается национальным цветом Англии.} Ты же любишь ее!

Мор. Люблю, конечно, люблю!

Кэтрин. Ты сделал бы это для меня... тогда!

Мор. А разве ты стала бы просить меня об этом, Кэт... тогда?

Кэтрин. Да. Это наша страна. О Стивен, подумай о том, что это значит для меня, когда Хьюберт и другие наши мальчики отправляются туда - на войну! А бедная Элен, а отец? Я прошу тебя не выступать с этой речью!

Мор. Кэт! Это нечестно. Неужели ты хочешь, чтобы я чувствовал себя последним подлецом?

Кэтрин (задыхаясь). Я... я... почти уверена, что ты будешь подлецом, если выступишь! (Смотрит на него, испуганная собственными словами.)

В это время лакей Генри является убрать со стола, и она говорит очень тихо.

Я умоляю тебя не делать этого!

Он не отвечает, и она уходит.

Мор (к Генри). Потом, Генри, немного позже, пожалуйста!

Генри уходит. Мор продолжает стоять, глядя на стол, затем поднимает руку к шее, как будто воротничок его душит, наливает в бокал воды и пьет. На улице за окном остановились два уличных музыканта с арфой и скрипкой; издав несколько нестройных звуков, они начинают играть. Мор идет к окну и откидывает занавеску. Спустя минуту он возвращается к столу и берет конспект

своей речи. Он мучительно думает, не зная, на что решиться.

Будешь подлецом!.. (Как будто хочет разорвать свой конспект. Затем, приняв другое решение, начинает перелистывать его и тихо говорит про себя. Его голос постепенно становится все громче, и он произносит перед пустой комнатой конец своей будущей речи.) Мы привыкли называть нашу страну борцом за свободу, противником насилия. Неужели эта слава вся в прошлом? Разве не стоит пожертвовать нашим мелочным достоинством ради того, чтобы не класть еще один камень на могилу этой славы; не разыгрывать перед всевидящим взором истории еще один эпизод национального цинизма? Мы готовимся силой навязать нашу волю и нашу власть народу, который всегда был свободен, который любит свою страну и ценит свою независимость так же, как и мы. И сегодня я не мог сидеть здесь молча и ждать, когда это начнется. Раз мы бережно и заботливо относимся к нашей стране, мы должны так же относиться и к другим странам. Я люблю свою страну, потому я и подымаю свой голос. Пусть народ, против которого мы собираемся выступить, и обладает воинственным духом, но ему ни за что не устоять против нас. А война против такого народа, какой бы она ни казалась притягательной сейчас, в момент ослепления, в будущем грозит катастрофой. Великое сердце человечества всегда бьется сочувственно к слабому. Мы как раз и ополчились против этого великого сердца человечества. Мы следуем своей политике во имя справедливости и цивилизации; но справедливость впоследствии осудит нас, а цивилизация предаст нас проклятию!

Пока он говорил, снаружи, на террасе, промелькнула маленькая фигурка; она мчится туда, где звучит музыка, но, услышав голос

Мора, вдруг останавливается в открытых дверях и прислушивается. Это темноволосая,

черноглазая девочка в синем халатике.

Музыканты, доиграв свою мелодию, умолкают. В наплыве чувств Мор слишком сильно сжимает в руке бокал, стекло ломается, осколки падают в умывальную чашку для рук.

Девочка вбегает в комнату.

Олив!

Олив. С кем ты здесь говорил, папочка?

Мор (удивленно глядя на нее). Так, моя милочка, на ветер!

Олив. Но ветра сейчас нет!

Мор. Тогда каким же ветром занесло тебя сюда?

Олив (загадочно). Не ветром, а музыкой. А это ветер разбил бокал или он сломался в твоей руке?

Мор. Вот что, моя маленькая фея, марш наверх, а то няня поймает тебя на месте преступления. Ну, живо!

Олив. Ой нет, папочка! (Возбужденно и доверчиво.) Ты знаешь, сегодня, наверное, что-то случится!

Мор. Вот тут ты не ошибаешься!

Олив (потянув к себе, заставляет его нагнуться и шепчет). Я должна пробраться назад незамеченной. Ш-ш!.. (Внезапно бежит к окну и закутывается в одну из портьер.)

Входит молодой человек с запиской в руке.

Мор. А, это вы, Стил!

Музыканты опять начинают играть.

Стил. От сэра Джона с нарочным из военного министерства.

Мор (читает записку). "Началось!"

Он стоит задумавшись, с запиской в руке, а Стил с беспокойством глядит ни него. Это смуглый, бледный молодой человек с худым лицом и глазами, которые говорят о том, что он способен привязываться к людям и страдать

вместе с ними.

Стил. Я рад, что уже началось, сэр. Было бы очень жаль, если бы вы выступили с этой речью.

Мор. И ты, Стил?

Стил. Я хочу сказать, что если война действительно началась...

Мор, Понятно. (Рвет записку.) А об этом помалкивайте.

Стил. Я вам еще нужен?

Мор вынимает из внутреннего кармана бумаги и швыряет их на бюро.

Мор. Ответьте на них.

Стил (идет к бюро). Фезерби был просто омерзителен. (Начинает писать.)

Мор снова охвачен внутренней борьбой.

Ни малейшего представления о том, что существует две стороны вопроса.

Мор бросает на него быстрый взгляд, украдкой подходит к обеденному столу и берет свои заметки. Сунув их под мышку, он возвращается к двери на террасу и

там останавливается в нерешительности.

Вот вершина его красноречия (подражая): "Мы должны наконец показать Наглости, что Достоинство не дремлет!"

Мор (выходит на террасу). Какой прелестный тихий вечер!

Стил. Это ответ больничному комитету "Коттедж-Госпитал". Написать, что вы будете у них председательствовать?

Мор. Нет.

Стил пишет. Затем он поднимает глаза и видит, что Мора нет в комнате. Он идет к стеклянной двери, смотрит направо и налево, возвращается к бюро и уже хочет снова сесть, как вдруг новая мысль заставляет его в испуге остановиться. Он снова идет к двери. Затем, схватив шляпу, поспешно выходит через террасу. Когда он скрывается, из передней входит Кэтрин. Выглянув на террасу, она идет к окну; некоторое время стоит там и прислушивается, затем с беспокойством возвращается. Олив, тихонько подкравшись к ней из-за

занавески, обнимает ее за талию.

Кэтрин. Ах, доченька! Как ты напугала меня! Что ты тут делаешь, маленькая шалунья!

Олив. Я уже все объяснила папе. Ведь второй раз повторять не нужно, правда?

Кэтрин. Где папа?

Олив. Он ушел.

Кэтрин. Когда?

Олив. Да вот только что, а мистер Стил побежал за ним, как кролик.

Музыка умолкает,  
Ну, ясно: им не заплатили.

Кэтрин. А теперь - моментально вверх! Не могу понять, как ты здесь очутилась.

Олив. А я могу. (Заискивающим тоном.) Если ты заплатишь им, мамочка, они наверняка сыграют еще.

Кэтрин. Ну, дай им вот это. Но только еще одну - не больше!

Она дает Олив монету, та бежит с ней к окну; открывает боковое стекло и

кричит музыкантам.

Олив. Ловите! И, пожалуйста, сыграйте еще одну песенку! (Возвращается от окна и, видя, что мать погружена в свои мысли, ластится к ней.) У тебя что-нибудь болит?

Кэтрин. У меня все болит, дорогая!

Олив. О!

Музыканты заиграли танец.

О! Мамочка! Я буду танцевать! (Сбрасывает с себя синие туфельки и начинает танцевать и прыгать.)

Хьюберт входит из передней. С минуту он стоит, наблюдает за своей

племянницей, а Кэтрин глядит на него.

Хьюберт. Стивен ушел!

Кэтрин. Знаю... Остановись же, Олив!

Олив. А вы умеете так танцевать, дядя?

Хьюберт. Да, мой цыпленочек, еще как!

Кэтрин. Хватит, Олив!

Музыканты внезапно оборвали мелодию на середине такта. С улицы доносятся

отдаленные выкрики.

Олив. Слушай, дядя! Какой странный шум!

Хьюберт и Кэтрин внимательно прислушиваются, а Олив пристально смотрит на них. Хьюберт идет к окну. Звуки слышны все ближе. Доносятся слова: "Покупайте газеты! Война! Наши войска перешли границу! Жестокие бои!

Покупайте газеты!"

Кэтрин (сдавленным голосом). Да! Вот оно!

Уличные крики слышны с разных сторон, причем можно отчетливо различить два голоса: "Война! Кому газеты?! Жестокие бои на границе! Покупайте газеты!"

Закрой окно! Не могу слышать эти исступленные крики.

Хьюберт закрывает окно, в это время из передней входит няня. Это пожилая женщина, по-матерински решительная. Она устремляет на Олив строгий взгляд,

но тут до нее доносятся уличные крики.

Няня. О! Неужели началось?

Хьюберт отходит от окна.

Ваш полк уже отправляется, мистер Хьюберт?

Хьюберт. Да, нянечка.

Няня. О боже мой! Что будет с моим мальчиком!

Кэтрин (делает ей знаки, показывая на Олив, которая стоит с широко раскрытыми глазами). Няня!

Хьюберт. Я не дам его в обиду, няня!

Няня. А он-то как раз жениться собрался. Да и вы еще и года не прошло, как женаты. Ах, мистер Хьюберт, вы уж в самом деле поберегите и себя и его: оба такие отчаянные!

Хьюберт. Я-то нет, няня!

Няня пристально смотрит ему в лицо, затем пальцем манит к себе Олив.

Олив (улавливая вокруг себя что-то новое в настроении взрослых, покорно идет к ней). Спокойной ночи, дядя! Няня, ты знаешь, почему мне нужно было спуститься вниз? (Горячим шепотом.) Это секрет! (Выходит с няней в переднюю, и слышно, как она говорит.) Расскажи мне все про войну!

Хьюберт (подавляя волнение; с нарочитой грубоватостью). Мы отплываем в пятницу, Кэт. Ты уж позаботься об Элен, сестричка.

Кэт. О! Как бы я хотела... Почему... женщины... не могут сражаться?

Хьюберт. Да, нелегко тебе со Стивеном и с его взглядами. Но раз война уже началась, он быстро опомнится.

Кэтрин качает головой, затем внезапно бросается к нему на шею и горячо обнимает его. И все подавлявшиеся ею чувства как будто нашли себе выход в

этом объятии. Дверь из передней открывается, и снаружи слышен голос сэра Джона: "Хорошо, я найду ее!"

Кэтрин. Отец!

Входит сэр Джон.

Сэр Джон. Стивен получил мою записку? Я послал ее сразу же, как приехал в военное министерство.

Кэтрин. Наверно, получил. (Замечает разорванную записку на столе.) Ну, конечно, да.

Сэр Джон. Газетчики уже выкрикивают последние новости. Слава богу, что я успел удержать его от этой безумной речи.

Кэтрин. Вы уверены в этом?

Сэр Джон. А как же? Неужели он окажется таким феноменальным ослом?

Кэтрин. Боюсь, что да. (Идет к двери на террасу.) Скоро мы все узнаем.

Сэр Джон, пристально взглянув на нее, идет к Хьюберту.

Сэр Джон. Не теряй бодрости, мальчик мой. Родина прежде всего!

Они крепко жмут друг другу руки. Кэтрин отшатнулась от двери. С террасы

вбегает запыхавшийся Стил.

Стил. Мистер Мор вернулся?

Кэтрин. Нет. Он выступал?

Стил. Да.

Кэтрин. Против войны?

Стил. Да.

Сэр Джон. Как? После того как я...

Сэр Джон стоит неподвижно, выпрямившись, затем поворачивается и выходит

прямо в переднюю. По знаку Кэтрин Хьюберт следует за ним.

Кэтрин. Итак, мистер Стил...

Стил (все еще с трудом переводя дыхание и волнуясь). Мы были здесь, но ему как-то удалось ускользнуть от меня. Он, должно быть, отправился прямо в парламент. Я помчался туда, но когда я попал на галерею, он уже начал говорить. Все ожидали чего-то особенного: такой тишины я никогда раньше не слышал. Он завладел их

вниманием с первых же слов: мертвая тишина, каждое слово было отчетливо слышно. На некоторых он произвел впечатление. Но все время в тишине чувствовалось что-то... вроде бурлящего подводного течения. А затем Шеррат, - кажется, он, - начал... и видно было, как в них нарастал гнев; но мистер Мор подавлял их своим спокойствием! Какое самообладание! В жизни я не видел ничего подобного. Затем по всей палате пронесся шепот, что военные действия начались. И тут произошел взрыв, полное смятение, - его прямо готовы были убить. Кто-то стал тянуть его за фалды, чтобы он сел, но он отшвырнул его и продолжал говорить. Потом он внезапно оборвал речь и вышел. Шум мгновенно стих. Все продолжалось не больше пяти минут. Это было величественно, миссис Мор, как поток лавы из вулкана... Он один только и сохранял хладнокровие. Я ни за что на свете не хотел бы пропустить это зрелище. Это было просто великолепно!

Мор появляется на террасе позади Стила.

Кэтрин. Спокойной ночи, мистер Стил.

Стил (вздрагнув). О! Спокойной ночи! (Выходит в переднюю.)

Кэтрин подбирает с пола туфельки Олив и стоит, прижимая их к груди. Мор

входит.

Кэтрин. Значит, ты успокоил свою совесть! Я не думала, что ты нанесешь мне такой удар.

Мор не отвечает, он все еще во власти только что пережитого. Кэтрин подходит

ближе к нему.

Я не предаю своей родины, я с нею телом и душой, Стивен, предупреждаю тебя.

Они стоят, молча глядя друг на друга. Лакей Генри входит из передней.

Генри. Это письма, сэр, из палаты общин.

Кэтрин (беря их). Сейчас, Генри, вы сможете здесь убрать.

Генри уходит.

Мор. Вскрой их!

Кэтрин открывает их одно за другим и роняет на стол.

Ну? Что там?

Кэтрин. То, что и следовало ожидать. Трое твоих лучших друзей. Это только начало.



Мор. Берегись толпы! (Смеется.) Я должен написать шефу.

Кэтрин делает порывистое движение по направлению к нему, затем спокойно идет

к бюро, садится и берет перо.

Кэтрин. Давай я напишу черновик. (Ждет.) Ну?

Мор (диктует). "Пятнадцатое июля. Дорогой сэр Чарлз! После моей сегодняшней речи, в которой я высказал свои самые непоколебимые убеждения..."

Кэтрин оборачивается и бросает на него пристальный взгляд, но он смотрит

прямо перед собою, и с легким жестом отчаяния она продолжает писать.

"...у меня нет иного выхода, как подать в отставку с поста заместителя министра. Мои взгляды и убеждения в этом вопросе могут быть ошибочными, но я, безусловно, прав, оставаясь верным своим принципам. Я полагаю, что нет необходимости подробно вдаваться в анализ причин, которые..."

Занавес

## ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Несколько дней спустя. Утро. Сквозь открытые окна столовой струится солнечный свет. На столе разбросаны газеты. Элен сидит за столом, устремив вперед неподвижный взор. По улице пробегает мальчишка-газетчик, выкрикивая последние новости. Услышав его крики, она встает и выходит на террасу. Из передней входит Хьюберт. Он сразу направляется к террасе и увлекает Элен

назад в комнату.

Элен. Это правда... то, что они кричат?

Хьюберт. Да. Такого и ожидать было трудно... Они застигли наших на перевале. Даже нельзя было развернуть орудия. Начало скверное.

Элен. О Хьюберт!

Хьюберт. Девочка моя дорогая!

Элен поднимает к нему лицо. Он целует ее. Затем она быстро отходит к окну, потому что дверь из передней открылась и входит лакей Генри, а за ним Рефорд

и его невеста.

Генри. Подождите здесь, пожалуйста, я доложу миссис Мор. (Заметив Хьюберта.) Прошу прощения, сэр!

Хьюберт. Ничего, Генри. (Очень спокойно.) А! Рефорд!

Генри уходит.

Так, значит, вы привели ее сюда. Вот и хорошо! Моя сестра позаботится о ней, не беспокойтесь! У нас все сложено? Ровно в три часа!

Рефорд (солдат с широким лицом, одетый в хаки; чувствуетея, что это человек, любящий пошутить, но сейчас он явно не в шутливом настроении). Все в порядке, сэр. Все готово.

Элен выходит из ниши и спокойно смотрит на Рефорда и на девушку, которые

стоят, неловко переминаясь.

Элен (спокойно). Берегите его, Рефорд.

Хьюберт. Мы оба будем беречь друг друга, верно, Рефорд?

Элен. Давно вы обручены?

Девушка (хорошенькая, робкая). Шесть месяцев. (Внезапно начинает плакать.)

Элен. Не надо! Он скоро вернется цел и невредим.

Рефорд. Я рассчитаюсь с ними за это. (Ей, тихо.) Не реви! Не реви!

Элен. Да! Не плачьте, пожалуйста!

У нее самой дрожат губы, и она выходит на террасу. Хьюберт за ней. Рефорд и девушка остаются там, где стояли; они чувствуют себя здесь совершенно чужими

и поэтому растеряны; она старается подавить рыдания.

Рефорд. Перестань же, Нэнси, не то мне придется увести тебя домой. Это глупо, раз уж мы пришли сюда. Ты так разревелась, будто я уже убит. Смотри-ка, ты заставила леди уйти из комнаты!

Она берет себя в руки, и в это мгновение открывается дверь, входит Кэтрин в сопровождении Олив, которая разглядывает Рефорда со страхом и любопытством, и няни, которая сохраняет спокойствие, несмотря на заплаканные

глаза.

Кэтрин. Мой брат уже сказал мне; я рада, что вы привели ее.

Рефорд. Так точно, мэм. Она малость расстроилась из-за того, что я должен уехать.

Кэтрин. Да, да! Но ведь это ради нашей родины, не так ли?

Девушка. Рефорд все время твердит мне то же самое. Ну, а он должен ехать, так что не стоит его зря огорчать. И я, конечно, успокаиваю его, говорю, что со мной ничего не случится.

Няня (не отрывая глаз от лица сына). Конечно, ничего с тобой не случится.

Девушка. Рефорд говорит, что у него будет легче на душе, раз вы согласились немного, ну, как бы присмотреть за мной. Он такой горячий, я очень боюсь за него.

Кэтрин. У всех у нас кто-нибудь уезжает. Вы поедете в порт? Мы должны отправить их в хорошем настроении, правда?

Олив. Может быть, ему дадут медаль.

Кэтрин. Олив!

Няня. Уж он-то не станет отлынивать, как эти антипатриоты, противники войны.

Кэтрин (быстро). Позвольте... ах, да, у меня есть ваш адрес. (Протягивает Рефорду руку.) Мы позаботимся о ней.

Олив (громким шепотом). Отдать ему мои тянучки?

Кэтрин. Как хочешь, дорогая. (Рефорду.) Помните, берегите моего брата и себя, а мы позаботимся о ней,

Рефорд. Слушаюсь, мэм.

Он бросает печальный взгляд на девушку, как будто этот разговор не принес ему того, что он ожидал. Она делает небольшой реверанс. Рефорд отдает

честь.

Олив (взяв с бюро сверток, сует ему в руки). Они очень питательные.

Рефорд. Благодарю вас, мисс.

Затем, подталкивая друг друга и смущаясь от неумения скрыть свои чувства и

соблюсти этикет, они выходят, предводительствуемые няней.

Кэтрин. Бедняжки!

Олив. А что такое антипатриот, мамочка?

Кэтрин (берет газету). Это просто глупое прозвище, дорогая. Перестань болтать.

Олив. Но ответь мне только на один малю-юсенький вопрос.

Кэтрин. Ну, что?

Олив. Папа тоже антипатриот?

Кэтрин. Олив! Что тебе говорили об этой войне?

Олив. Они не хотят нас слушаться. Значит, мы должны побить их и отобрать их страну. И мы так и сделаем, правда?

Кэтрин. Да. Но папа не хочет, чтобы мы это делали: он считает это несправедливым и так прямо и говорит. Все на него очень сердиты.

Олив. А почему несправедливым? Ведь наша страна меньше, чем их?

Кэтрин. Нет.

Олив. О! В книжках по истории наша страна всегда самая маленькая. И мы всегда побеждаем. Вот за что я люблю историю. А ты за кого, мамуся: за нас или за них?

Кэтрин. За нас.

Олив. Тогда и я буду за нас. Как жаль, что папа не за нас.

Кэтрин вздрагивает.

У него будут всякие неприятности из-за этого?

Кэтрин. Думаю, что да, Олив.

Олив. Значит, мы должны быть особенно ласковы с ним.

Кэтрин. Если сможем.

Олив. Я смогу. Я это чувствую.

Элен и Хьюберт показались на террасе. Увидя Кэтрин с ребенком, Элен проходит

мимо двери, а Хьюберт входит в комнату.

(Увидев его, тихо.) Дядя Хьюберт сегодня едет на фронт? (Кэтрин кивает.) А дедушка нет?

Кэтрин. Нет, дорогая.

Олив. Значит, им повезло, верно, мамочка? А то бы дедушка им задал!..

Хьюберт подходит к ним. Присутствие ребенка заставляет его взять себя в руки.

Хьюберт. Ну, сестричка, пора прощаться. (К Олив.) Что привезти тебе, цыпленок?

Олив. А разве на фронте есть магазины? Я думала, что там все кругом опасно.

Хьюберт. Ни капельки.

Олив (разочарованно). О!

Кэтрин. А теперь, милочка, обними дядю как следует.

Пока Олив обнимает Хьюберта, Кэтрин успевает совладать с собой.

Мысленно мы с папой всегда будем с тобой. До свидания, Хью!

Они не осмелились поцеловаться, и Хьюберт выходит, чопорный и прямой. В дверях он сталкивается со Стилом, на которого не обращает ни малейшего

внимания. Стил колеблется и хочет уйти обратно.

Войдите, мистер Стил.

Стил. Депутация от избирательного округа Толмин должна скоро прибыть, миссис Мор. Сейчас двенадцать часов.

Олив (скатав шарик из газеты, лукаво). Мистер Стил, ловите.

Она бросает шарик, и Стил молча ловит его.

Кэтрин. Милочка, иди, пожалуйста, наверх.

Олив. Можно мне почитать там у окна, мамочка? Тогда я увижу, как будут проходить солдаты.

Кэтрин. Нет. Ты можешь ненадолго выйти на террасу, а затем пойдешь наверх.

Олив неохотно выходит на террасу.

Стил. Ужасные новости сегодня в газетах. Все этот перевал. Вы видели? (Читает газету.) "Мы не желаем иметь ничего общего с бредовыми речами выроodka, который в такой момент бесчестит свою страну. Член парламента от избирательного округа Толмин заслужил презрение всех стойких патриотов..." (Берет вторую газету.) "...Существует определенный тип политических деятелей, которые даже во вред себе не могут устоять перед искушением саморекламы. Но в момент национального кризиса мы наденем на этих людей намордник, как на собак, подозреваемых в бешенстве..." Все, как один, ополчились на него.

Кэтрин. Меня гораздо больше беспокоят те, кто привык швырять грязью в родную страну, а теперь превозносит Стивена как героя! Вам известно, что он задумал?

Стил. Увы, да! Мы должны заставить его отказаться от мысли выступать повсюду с антивоенными лекциями, миссис Мор, мы просто обязаны это сделать.

Кэтрин (прислушиваясь). Делегация прибыла. Пойдите за ним, мистер Стил. Он в своем кабинете в палате общин,

Стил выходит, а Кэтрин стоит, не зная, что делать. На мгновение он снова открывает дверь, чтобы впустить делегацию; затем удаляется. Входят четыре джентльмена, всем своим видом показывая, что они пришли по важному делу. Первый и самый живописный из них, Джеймс Хоум, худой, высокий человек с седой бородой, густой шевелюрой, хмурыми бровями и полузастенчивыми, полудержкими манерами, то грубый, то чересчур вежливый, один из тех, кто еще не вхож в высшее общество, однако втайне весьма высокого мнения о себе. Он одет в светлый шерстяной костюм, красный шелковый галстук пропущен сквозь кольцо. Вслед за ним идет Марк Уэйс, круплолицый человек средних лет, с гладкими темными волосами и с едва намеченными бакенбардами, у него привычка постоянно потирать руки, как будто он что-то продает высокочтимому покупателю. Он довольно плотного сложения, одет в черный костюм, с массивной золотой цепочкой на жилете. За ним шествует Чарлз Шелдер, адвокат. Это человек лет пятидесяти, с лысой яйцеобразной головой, в золотом пенсне. У него маленькие бачки, кожа нездорового, желтоватого оттенка, довольно добродушное, но настороженное и недоверчивое выражение лица, а когда он говорит, то как будто пережевывает пищу. Это впечатление возникает от его резко выдающейся вперед верхней губы. Замыкает шествие Уильям Бэннинг, широкоплечий, энергичный человек, пробивший себе дорогу из низов. Ему можно дать от пятидесяти до шестидесяти лет, у него седые усы, румяное лицо

сельского жителя и живые карие глаза.

Кэтрин. Здравствуйте, мистер Хоум!

Хоум (целуя ей руку несколько подчеркнуто, как бы для того, чтобы продемонстрировать свою неподвластность женским чарам). Миссис Мор! Мы совсем не ожидали... Мы считаем за честь...

Уэйс. Как вы поживаете, сударыня?

Кэтрин. А вы, мистер Уэйс?

Уэйс. Благодарю вас, сударыня, превосходно!

Шелдер. Как ваше здоровье, миссис Мор?

Кэтрин. Очень хорошо, спасибо, мистер Шелдер.

Бэннинг (говорит с явно провинциальным акцентом). Вот повод-то для встречи с вами не ахти какой удачный, мэм.

Кэтрин. К сожалению, да, мистер Бэннинг. Прошу вас, джентльмены. (Видя, что раньше нее они не усядутся, садится за стол.)

Все постепенно рассаживаются. Каждый член делегации по-своему старается уклониться от прямого разговора на волнующую всех тему, а Кэтрин столь же

упорно стремится заставить их заговорить об этом.

Мой муж вернется через несколько минут. Он здесь рядом, в палате общин.

Шелдер (который занимает более высокое положение в обществе и лучше образован, чем остальные). Вы живете в прелестном месте, миссис Мор! Так близко к... э... центру... как бы сказать... притяжения, а?

Кэтрин. Я читала отчет о вашем втором собрании в Толмине.

Бэннинг. Дело плохо, миссис Мор, дело плохо. Нечего и скрывать это. Его речь - просто какое-то помешательство. Да-с, вот что это такое! Нелегко будет это уладить. И как только вы ему позволили, а? Я уверен, что вы-то не разделяете этих взглядов.

Он смотрит на нее, но вместо ответа она только крепче сжимает губы.

Я скажу вам, больше всего поразило меня, да и всех избирателей тоже, что когда он выступал с этой речью, он уже знал, что наши войска перешли границу.

Кэтрин. Не все ли равно, знал он или не знал!

Хоум. Но это же запрещенный прием - удар в живот. Вот мое мнение! Вы уж извините меня!..

Бэннинг. Пока война не началась, миссис Мор, каждый, конечно, может говорить что ему угодно, но после! Это уже значит выступить против своей родины! Да-с, его речь произвела сильное впечатление, знаете ли, сильное впечатление.

Кэтрин. Он уже давно решил выступить. Просто по роковому стечению обстоятельств в этот момент пришло известие о том, что война уже началась.

Пауза.

Бэннинг. Ну, я полагаю, все это верно. Но нам сейчас нужно одно - чтобы это не повторилось.

Хоум. Конечно, его взгляды весьма благородны и все такое, но надо же принимать во внимание и людское стадо, вы уж извините меня!

Шелдер. Мы пришли сюда, преисполненные самых дружеских чувств, миссис Мор, но вы сами понимаете: это уже никуда не годится!

Уэйс. Мы сумеем его урезонить! Вот увидите, сумеем!

Бэннинг. Нам, пожалуй, лучше не упоминать о том, что он знал о начале военных действий!

При этих словах с террасы входит Мор. Все встают.

Мор. Добрый день, джентльмены! (Подходит к столу, не пожимая никому руки.)

Бэннинг. Так как же, мистер Мор? Вы совершили прискорбную ошибку, сэр. Я говорю вам это прямо в лицо.

Мор. Не вы один, Бэннинг. Садитесь, пожалуйста, зачем вы встали?

Все постепенно снова усаживаются, а Мор садится в кресло Кэтрин. Она одна остается стоять, прислонившись к стене у портьеры, и наблюдает за

выражением лиц присутствующих.

Бэннинг. Вы утренние телеграммы видели? Говорю вам, мистер Мор, - еще одна такая неудача на фронте, и вас попросту сметут с лица земли. И тут уж ничего не поделаешь. Такова природа человека.

Мор. В таком случае не отказывайте и мне в праве быть человеком. Когда я выступил вчера вечером, это мне тоже кое-чего стоило! (Показывает на свое сердце.)

Бэннинг. Уж больно внезапный поворот, - вы ведь ничего такого не говорили, когда выступали у нас на выборах в мае.

Мор. Будьте справедливы и припомните, что даже тогда я был против нашей политики. Три недели тяжелой внутренней борьбы - вот чего стоило мне решение выступить с этой речью. К таким решениям, Бэннинг, приходишь очень медленно.

Шелдер. Вопрос совести?

Мор. Да, Шелдер, даже в политике приходится иногда думать о совести.

Шелдер. Ну, видите ли, наши идеалы, естественно, не могут быть такими высокими, как ваши!



Мор улыбается. Кэтрин, которая подошла было к мужу, снова отходит от него, как бы испытывая облегчение от этого проблеска сердечности. Уэйс потирает

руки.

Бэннинг. Вы забываете одну вещь, сэр. Мы послали вас в парламент как своего представителя; но вы не найдете и шести избирателей, которые уполномочили бы вас выступить с такой речью.

Мор. Мне очень жаль, но я не могу идти против своих убеждений, Бэннинг.

Шелдер. Что там говорится насчет пророка в своем отечестве?

Бэннинг. Э, нам сейчас не до шуток. Мистер Мор, я никогда не видел, чтоб люди так волновались. На обоих собраниях все были решительно настроены против вас. В избирательный комитет идут потоки писем. И некоторые из них от очень достойных людей - ваших хороших друзей, мистер Мор.

Шелдер. Ну, ладно, ладно! Еще не поздно поправить дело. Дайте нам возможность вернуться и заверить их, что вы больше этого не повторите.

Мор. Это что же, приказ надеть намордник?

Бэннинг (без обиняков). Примерно так!

Мор. Отказаться от своих принципов, чтобы сохранить местечко в парламенте! Тогда действительно меня в праве будут называть вырождаком. (Слегка касается газет на столе.)

Кэтрин делает порывистое и горестное движение, но затем принимает прежнюю

позу, прислонившись к стене.

Бэннинг. Ну, ну! Я знаю. Но мы и не просим вас брать свои слова назад, мы только хотим, чтобы вы в будущем вели себя более осмотрительно.

Мор. Заговор молчания! А потом будут говорить, что банда газетчиков затравила меня и принудила к этому!

Бэннинг. О вас этого не скажут.

Шелдер. Дорогой Мор, вы уже начинаете спускаться со своих высот до нашего обывательского уровня. С вашими принципами вам следовало бы плевать на то, что говорят люди.

Мор. А я не плюю. Но и не могу предать того, в чем я вижу достоинство и мужество настоящего общественного деятеля. А если

господствующим предрассудкам будет дано право подчинять себе высказывания политических деятелей, тогда - прощай Англия!

Бэннинг. Ну что вы, что вы! Я ведь не говорю, что ваша точка зрения была лишена здравого смысла до начала военных действий. Мне и самому никогда не нравилась наша политика в этом вопросе. Но сейчас льется кровь наших ребят, и это совершенно меняет дело. Не думаю, конечно, чтобы я там понадобился, но сам я готов пойти в любой момент. Мы все готовы пойти в любой момент. И пока мы не поколотим этих горцев, мы не можем допустить, чтобы человек, который представляет нас в парламенте, нес всякую чушь. Вот и вся недолга.

Мор. Я понимаю ваши чувства, Бэннинг. Я подам в отставку. Я не могу и не хочу занимать пост, на котором я нежелателен.

Бэннинг. Нет, нет, нет! Не делайте этого! (Волнуясь, начинает говорить все более неправильно.) Ну, сболтнули разок и - хватит! Вот те раз! Да вы уже девять лет с нами - в дождь и в ведро - все одно.

Шелдер. Мы не хотим потерять вас, Мор. Ну, не надо! Дайте нам обещание, и дело с концом!

Мор. Я не даю пустых обещаний. Вы просите от меня слишком многого.

Пауза. Все четверо смотрят на Мора.

Шелдер. У правительства достаточно серьезных оснований для той политики, которую оно проводит.

Мор. Всегда легко найти серьезные основания для того, чтобы расправиться с тем, кто слабее.

Шел дер. Дорогой Мор, как вы можете ратовать за этих мерзавцев, за каких-то угонщиков скота?

Мор. Лучше угонять скот, чем загонять в подполье свободу!

Шелдер. Послушайте, единственное, чего мы добиваемся, - это, чтобы вы не разъезжали по стране, выступая с такими речами.

Мор. Но именно это я и считаю себя обязанным делать!

Опять все в немом ужасе уставились на Мора.

Хоум. К нам-то вы носа не покажете, вы уж извините меня!

Уэйс. Ну, знаете, сэр...

Шелдер. Время крестовых походов прошло, Мор.

Мор. Вы так думаете?

Бэннинг. Да нет, не в том дело, но мы не хотим расставаться с вами, мистер Мор. Это тяжело, очень тяжело после трех избирательных кампаний. Ну, взгляните вы на все это попросту, по-человечески! Разве можно порочить свою родину теперь, после этого ужасного побоища на перевале? Подумайте хотя бы о своей жене! Я знаю, что полк, в котором служит ее брат, сегодня отбывает. Ну посудите сами, что она должна испытывать!

Мор отходит к нише. Члены делегации обмениваются взглядами.

Мор (оборачиваясь). Стараться заткнуть мне рот таким способом - это уже слишком.

Бэннинг. Мы только хотим уберечь вас от греха.

Мор. Я девять лет занимал свое место в парламенте в качестве вашего избранника, как вы говорите - и в дождь и в ведро. Вы все ко мне всегда хорошо относились. И я был всей душой предан своей работе, Бэннинг. Я вовсе не хочу в сорок лет закончить свою политическую карьеру.

Шелдер. Совершенно верно, и мы не хотим, чтобы у вас были такого рода неприятности.

Бэннинг. Совсем уж не по-дружески было бы создавать у вас неправильное впечатление о том, какие чувства к вам питают. Сейчас вам остается только одно, мистер Мор: помолчать, пока не уймутся страсти. Если уж таковы ваши взгляды. Ох, и язык же у вас!.. Но вспомните, что вы ведь и нам кое-чем обязаны. Вы большой человек, и взгляды у вас должны быть как у большого человека.

Мор. Я и стремлюсь к этому по мере сил.

Хоум. А в чем, собственно, заключаются ваши взгляды? Вы уж извините, что я задаю этот вопрос.

Мор (поворачиваясь к нему). Мистер Хоум, великая держава, подобная нашей, должна свято хранить самые высокие и благородные идеалы человечества. Разве несколько случаев нарушения законности могут служить оправданием того, что у этого маленького народца отнимают свободу?

Бэннинг. Отнимают свободу? Это уж вы перехватили!

Мор. Ага, Бэннинг, вот мы и подошли к самой сути дела. В глубине души никто из вас не сочувствует этому, вы против того, чтобы поработать другой народ, будь то силой или обманом. А ведь вы отлично знаете, что мы вторглись туда, чтобы остаться надолго, как

уже делали это с другими странами, как все великие державы делают с другими странами, если они маленькие и слабые. На днях премьер-министр произнес следующие слова: "Если нас теперь принуждают проливать кровь и тратить деньги, мы должны сделать так, чтобы нас больше никогда к этому не принудили". Это может означать только одно - призыв проглотить эту страну.

Шелдер. Ну что же, откровенно говоря, это было бы не так уж плохо.

Хоум. Не нужна нам их проклятая страна, нас просто вынудили принять такие меры.

Мор. Нет, нас никто не вынуждал

Шел дер. Дорогой Мор, что такое вообще цивилизация, как не логически неизбежное заглывание низших человеческих формаций более высокими и совершенными? Разве здесь не происходит то же самое?

Мор. Тут мы никогда не пойдем друг друга, Шелдер, даже если будем спорить целый день. Но дело не в том, кто из нас прав - вы или я, а дело вот в чем: что должен делать тот, кто всем сердцем убежден в своей правоте? Ответьте мне, пожалуйста.

Некоторое время царит молчание.

Бэннинг (просто). Я все время думаю об этих беднягах, о наших несчастных солдатах на перевале.

Мор. Они у меня перед глазами, так же как и у вас, Бэннинг! Но вообразите себе такую картину: в нашем собственном графстве, допустим, где-нибудь в Черной Долине... тысяча бедняг-иностранцев, мертвых и умирающих... и уже вороны вьются над ними. В нашей собственной стране, в нашей родной долине - в нашей, нашей поруганной, оскверненной. Разве вы стали бы горевать о них, называть их "несчастливыми"? Нет, для вас это будут захватчики, вторгшиеся на чужую землю, вороватые псы! Убить их, уничтожить их! Вот как вы бы к этому отнеслись, и я тоже.

Страстность этих слов потрясает и берет за живое сильнее всяких логических

доводов. Все молчат.

Ну вот, видите! В чем же тут разница? Мне не настолько чужды человеческие чувства, чтобы мне тоже не хотелось стереть позорное пятно катастрофы на перевале! Но что было, то было, и несмотря на

все мои добрые чувства к вам, несмотря на все мои честолюбивые стремления, - а они занимают далеко не последнее место (очень тихо), - несмотря на мучения моей жены, я должен от всего этого отрешиться и возвысить голос против войны.

Бэннинг (говорит медленно и как бы советуясь взглядом с остальными). Мистер Мор, никого на свете я так не уважаю, как вас. Я не знаю, что они там скажут, когда мы вернемся, но я лично чувствую, что я больше не в силах принуждать вас отказаться от своих убеждений.

Шелдер. Мы не отрицаем, что по-своему вы правы.

Уэйс. Да, безусловно.

Шелдер. Я полагаю, что каждый должен иметь возможность свободно высказывать свое мнение.

Мор. Благодарю вас, Шелдер.

Бэннинг. Ну что же, ничего не поделаешь! Надо брать вас таким, какой вы есть; но чертовски жаль, что все так получилось, - будет тьма неприятностей.

Его глаза останавливаются на Хоуме, который наклонился вперед и вслушивается, приложив ладонь к уху. Издалека очень слабо доносятся звуки

волынок. Все сейчас же улавливают их и прислушиваются.

Хоум. Волюнки!

Фигурка Олив промелькнула мимо двери на террасу. Кэтрин оборачивается, как

бы желая последовать за ней.

Шелдер. Шотландцы! (Встает.)

Кэтрин быстро выходит на террасу. Один за другим все подходят к окну и в том же порядке выходят на террасу. Мор остается один в комнате. Он поворачивается к нише. Звуки музыки нарастают, приближаются. Мор отходит от окна, его лицо искажено внутренней борьбой. Он шагает по комнате, невольно

впадая в ритм марша. Музыка медленно замирает в отдалении, уступая место барабанному бою и тяжелой поступи марширующей роты. Мор останавливается у стола и закрывает лицо руками. Депутация возвращается с террасы. Их лица и манеры уже совершенно другие. Кэтрин останавливается в дверях.

Хоум (странным, почти угрожающим тоном). Так не годится, мистер Мор. Дайте нам слово, что вы будете молчать.

Шелдер. Да ну же! Не упрямитесь, Мор!

Уэйс. Да, действительно, действительно.

Бэннинг. Мы должны получить от вас обещание...

Мор (не поднимая головы). Я... я...

Слышна барабанная дробь марширующего полка.

Бэннинг. Неужели вы можете слышать это равнодушно, когда вашей родине только что нанесен удар?

Теперь слышится нестройный говор толпы, провожающей войска.

Мор. Я даю вам...

Затем ясно и отчетливо над всеми другими звуками раздаются слова: "Задайте им жару, ребята! Оботрите сапоги об их паршивую землю! Утопите все в крови

до последнего акра!" И взрыв хриплых возгласов одобрения.

(Вскинув голову.) Вот она, реальная действительность! Клянусь небом! Нет!

Кэтрин. О!

Шелдер. В таком случае мы удаляемся.

Бэннинг. Вы это серьезно? Тогда вы потеряете наши голоса.

Мор кланяется.

Хоум. Тем лучше для нас! (Мечет злобные взгляды то на Мора, то на Кэтрин.) Поездите-ка со своими дурацкими речами по всей стране! Вы увидите, что о вас думают! Уж вы меня извините!

Молча один за другим они выходят в переднюю, только Бэннинг еще раз оглядывается. Мор садится за стол перед грудой газет. Кэтрин неподвижно

стоит в дверях. Олив входит с террасы и идет к матери.

Олив. Какие славные солдатики! А за ними столько грязных людей, а некоторые совсем чистые, мамочка. (По лицу матери видит - произошло что-то серьезное; глядит на отца, затем тихонько подходит к нему.) Папа, дядя Хьюберт уехал и тетечка Элен плачет и... посмотри на мамочку!

Мор поднимает голову и смотрит.

Ну, перейди же на нашу сторону, папочка, пожалуйста! (Трется щекой об его щеку. Видя, что он не отвечает ей тем же, отходит от него и с удивлением глядит то на него, то на мать.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Мощенный бульжником переулок без тротуара, куда выходит задний фасад пригородного театра. Высокая Грязно-желтая стена без окон вся заклеена обрывками старых театральными афиш и объявлениями "Сдается в наем!", несколькими разорванными и одной еще не тронутой афишей со следующим объявлением: "1 октября. Антивоенный митинг. Выступят Стивен Мор, эсквайр и другие". На мостовой - мусор, обрывки бумаги. Три каменные ступеньки ведут к двери за кулисы. Вечер. Темно. Свет падает только от уличного фонаря около стены. Слышен слабый, неясный шум, похожий на отдаленное гиканье или улюлюканье. Внезапно в ту сторону, откуда доносится шум, пробегает мальчишка, за ним спешат две вульгарного вида девицы. Некоторое время в переулке опять никого нет. Затем дверь открывается, и швейцар, высунув голову, озирается кругом. Он исчезает, но через секунду появляется вновь, за

ним следуют три джентльмена в черных костюмах.

Швейцар. Никого нет. Вы можете уходить, джентльмены. Сначала налево, потом сразу направо за угол.

Трое (отряхиваются от пыли и поправляют галстуки). Большое спасибо! Спасибо!

Первый джентльмен в черном. А где Мор? Он еще не уходит?

К ним присоединяется четвертый джентльмен в черном.

Четвертый джентльмен в черном. Идет вслед за мной. (Швейцару.) Благодарю вас.

Они торопливо уходят. Швейцар скрывается за дверью. Мимо пробегает еще один

юнец. Затем дверь снова открывается. Выходят Стил и Мор. Мор в нерешительности стоит на ступеньках. Затем поворачивается, как бы

желая вернуться.

Стил. Идемте же, сэр, идемте!

Мор. Не по душе мне это, Стил!

Стил (берет Мора под руку и почти тащит его вниз по ступенькам). Идемте, нельзя подводить тех, кто сдал вам помещение.

Мор все еще колеблется.

Мы рискуем застрять здесь еще на час, а вы обещали миссис Мор быть дома в половине одиннадцатого. Не заставляйте ее волноваться. Ведь она не видела вас уже полтора месяца.

Мор. Ну, хорошо. Не вывихните мне руку.

Они спускаются по ступенькам и идут налево, когда в переулке появляется бегущий мальчишка. Увидев Мора, он останавливается, как вкопанный, поворачивается кругом, потом с пронзительным криком: "Он здесь! Это он! Вот

он!" - мчится обратно.

Стил. Быстрее, сэр, быстрее!

Мор. Это уже предельный конец, как выразился один иностранный посол.

Стил (тащит его назад к двери). Ну, тогда хотя бы вернитесь назад!

Слева, толкая друг друга, выбегают мужчины, мальчишки и несколько девиц. Это пестрая, жаждущая развлечений толпа: праздные гуляки, ремесленники, чернорабочие, девицы явно вульгарного вида. Похожи на стаю псов, увлеченных погоней и уже отведавших крови. Они толпятся вокруг ступенек, пока еще обнаруживая нерешительность и любопытство, которое возникает, когда начинается новый этап любой травли. Мор, стоя на нижней ступеньке,

поворачивается и обводит их взглядом.

Девушка (с краю). Который из них он? Старый или молодой?

Мор поворачивается и поднимается на верхнюю ступеньку.

Высокий юноша (с прилизанными черными волосами и в котелке). Эй ты, проклятый предатель!

Мор оборачивается, чтобы встретить лицом к лицу залп насмешек и издевок; хор злобных выкриков сперва нарастает, затем постепенно стихает, как будто

хулиганы поняли, что они портят себе забаву.

Одна из девиц. Не пугайте бедняжку!

Девушка, стоящая за нею, визгливо хохочет.

Стил (упорно тянет Мора за руку). Пойдемте, сэр.

Мор (вырывает руку и обращается к толпе). Ну, чего же вы хотите?

Голос. Речь!

Мор. Вот как! Это новость!



Грубый голос (откуда-то сзади). Смотрите, как он труса празднует. По лицу видно.

Огромный чернорабочий (впереди). Заткнись! Дайте человеку высказаться!

Высокий юноша. Молчать перед проклятым изменником?!

Какой-то юноша заиграл на концертино, раздается смех, затем внезапно

наступает молчание.

Мор. Я скажу все в двух словах!

Мальчишка из лавки (швыряет скорлупу от грецкого ореха, которая попадает Морю в плечо). Ага! Попал!

Мор. Идите домой и поразмыслите как следует. Если бы к нам вторглись иноземцы, разве вы не стали бы драться не на жизнь, а на смерть, как дерутся там сейчас горцы?

Высокий юноша. Подлые собаки! Почему они не хотят драться в открытую?

Мор. Они сражаются, как могут.

Новый взрыв свиста и улюлюканья; заводилой выступает солдат в хаки, стоящий с краю.

Мой друг в хаки взял на себя труд первым начать сейчас вой и гиканье. Но я не сказал ни слова против наших солдат. Если я кого-нибудь обвиняю, то в первую очередь правительство за то, что оно посылает в огонь солдат, и газеты за то, что они подстрекают правительство, и вас всех за то, что вы у них на поводу и творите такое, чего каждый из вас сам по себе никогда бы не сделал.

Высокий юноша начинает, а толпа не очень дружно подхватывает новый поток

проклятий и ругательств.

Я утверждаю, что ни один из вас не полезет в драку против слабейшего!

Раздаются голоса в толпе.

Грубый голос. Нечего трепаться!

Женский голос. Подмазывается!

Голос высокого юноши. Омерзительный трус!

Чернорабочий (внезапно проталкиваясь вперед). Эй вы, мистер! Нечего вам лаять на тех, у кого на войне друзья! Убирайтесь-ка лучше

домой подобру-поздорову!

Язвительный голос. И пусть вам жена заткнет уши ватой.

Взрыв смеха.

Дружеский голос (откуда-то издали). Стыд и позор! Браво, Мор!  
Держитесь!

Начавшаяся драка заглушает этот крик.

Мор (неистово). Перестаньте! Перестаньте! Вы...

Высокий юноша. Предатель!

Ремесленник. Штрейкбрехер!

Человек средних лет. Расстрелять - и все! Он помогает врагам  
родины.

Мор. Неужели вы не понимаете, что эти горцы защищают свои  
дома?!

Два голоса. Слушайте, слушайте!

Их насильно заставляют замолчать.

Высокий юноша. Шут гороховый!

Мор (с внезапной яростью). Защищают свои дома! А не  
накидываются толпой на безоружных людей.

Стил снова тянет его за руку.

Хулиган. Заткнись, не то мы тебя пристукнем!

Мор (вновь обретая хладнокровие). Ага! Ну что ж, пожалуйста!  
Да вы этим нанесли бы такой удар по всякой подлой, трусливой толпе,  
какого наше поколение не забудет!

Стил. Ради бога, сэр!

Мор (вырывая руку). Ну что же вы?

Начинается яростный натиск толпы, но несколько человек,  
стоявших впереди, падают, прижатые к нижней ступеньке, и не дают  
пройти остальным. Толпа отступает. Недолгое затишье, во время  
которого Мор спокойно смотрит на них

сверху вниз.

Язвительный голос. А язык у него неплохо подвешен! Экий  
говорун!

Несколько ореховых скорлупок и кусок апельсинной корки летит  
Мору прямо в

лицо. Он не обращает на это внимания.

Грубый голос. Так его! Расшевелите его еще немножко!

От презрительной улыбки Мора издевательский смех замирает и сменяется

гневом.

Высокий юноша. Изменник!

Голос. Что ты там застыл, как заколотый боров?

Хулиган. Давай тащи его оттуда вниз! (Осмелев от шумного одобрения, которыми были встречены эти слова, он хлестнул Мора ремнем по ногам.)

Стил бросается вперед. Мор, протянув руку, отводит его назад и снова обращает спокойный и пристальный взгляд на толпу; от сознания того, что это

молчание расстраивает их планы, людей охватывает ярость.

Толпа. Говори или слезай! Сойди оттуда! Убирайся прочь, вон, или мы тебя заставим! Давай, живо!

Мор остается недвижимым.

Юноша (улучив минуту, когда в толпе замешательство). Я заставлю его говорить! Смотрите!

Он выскакивает вперед и плюет Морю прямо на руку. Мор отдернул руку, как будто его ужалили, но затем продолжает стоять так же спокойно, как и раньше. Легкий взрыв смеха угасает и сменяется дрожью отвращения, вызванной таким поступком. Но при взгляде на презрительное лицо Мора чувство стыда

сменяется у них новой вспышкой ярости.

Высокий юноша. Катись отсюда! А то получишь...

Голос. Уноси свою харю подальше.

Хулиган. Дай-ка я вдарю ему!

Два брошенных камня попадают в Мора. Он шатается и чуть не падает, но снова

выпрямляется.

Голос девицы. Как не стыдно!

Дружеский голос. Браво, Мор! Держитесь!

Хулиган. А ну-ка, подбавь ему еще!

Голос. Нет!

Голос девицы. Оставьте его в покое! Пошли, Билли, нечего тут больше глазеть!

Все еще не отрывая глаз от Мора, толпа погружается в неловкое молчание, нарушаемое лишь шарканьем ног. Затем огромный

чернорабочий в переднем ряду

поворачивается и прокладывает себе путь в толпе.

Чернорабочий. Оставьте его, ребята!

С угрюмым и пристыженным видом толпа постепенно расходится; переулок

пустеет.

Мор (как бы приходя в себя от оцепенения, вытирает руку и отряхивает костюм). Ну что ж, Стил, пошли!

И в сопровождении Стила он спускается по ступенькам и уходит. Проходят два полисмена, замечают разбитый фонарь. Один из них останавливается и

начинает что-то записывать в записную книжку.

Занавес

## КАРТИНА ВТОРАЯ

Спальня Кэтрин: комната, панелированная светлым деревом. Свет от четырех свечей падает на Кэтрин, которая сидит перед серебряным зеркалом, поставленным на старинный дубовый туалетный столик, и расчесывает волосы. Дверь налево приотворена. У стены возле окна стоит еще одно дубовое кресло. В окно видна голубая ночь и туман, стелющийся по деревьям; лишь там и сям в лунном свете маячат темные массы ветвей. Когда занавес поднимается, Кэтрин прислушивается, застыв со щеткой в руке. Она снова начинает причесываться, потом, отложив щетку, берет пачку писем из ящика туалета и начинает читать.

За приотворенной дверью слышен голос Олив.

Олив. Mamочка, я проснулась!

Но Кэтрин продолжает читать, и Олив в длинной ночной рубашке прокрадывается

в комнату.

(Подойдя к Кэтрин, смотрит на ее часы.) Без четырнадцати минут одиннадцать.

Кэтрин. Олив, Олив!

Олив. Я только хотела посмотреть, который час. Я никогда не могу уснуть, если я стараюсь; понимаешь, ну, просто ничего не получается! Мы уже победили?

Кэтрин качает головой.

О! А я нарочно помолилась лишний разок, чтобы в вечерних газетах напечатали о победе. (Крутятся около матери.) Папа приехал?

Кэтрин. Нет еще.

Олив. Ты ждешь его? (Зарывается лицом в волосы матери.) У тебя такие хорошие волосы, мамочка. Особенно сегодня.

Кэтрин роняет щетку и смотрит на дочь почти с тревогой.

Папы сколько времени не было?

Кэтрин. Полтора месяца.

Олив. А кажется, что сто лет, правда? И он все время выступает с речами?

Кэтрин. Да.

Олив. И сегодня тоже?

Кэтрин. Да.

Олив. В тот вечер, когда здесь был человек с совсем лысой головой - ты знаешь, мамочка, тот, который так здорово чистит зубы, - я слышала, как папа говорил на ветер. А ветер разбил бокал. Папины речи, должно быть, хорошие, правда?

Кэтрин. Очень.

Олив. Как-то странно: ветра ведь нельзя увидеть!

Кэтрин. Говорить на ветер - это образное выражение, Олив.

Олив. А папа часто так говорит?

Кэтрин. Теперь да.

Олив. А что это значит?

Кэтрин. Это значит, что он говорит перед людьми, которые не хотят его слушать.

Олив. А что же они делают, если не слушают?

Кэтрин. Его хотят слушать только некоторые люди, а потом собирается большая толпа и старается помешать ему говорить; или они подстерегают его на улице, и швыряют в него разные предметы, и визжат, и свистят.

Олив. Бедный папочка! А эти люди, которые швыряют предметы, они на нашей стороне?

Кэтрин. Да, но только это грубые люди.

Олив. А зачем он все говорит и говорит? Я бы не стала.

Кэтрин. Он считает, что это его долг.

Олив. Перед ближними или только перед богом?

Кэтрин. И перед богом и перед ближними.

Олив. А-а... А это его письма?

Кэтрин. Да.

Олив (читает письмо). "Моя любимая!" Он всегда называет тебя своей любимой, мамочка? Это очень красиво, правда? "Я буду дома завтра вечером около половины одиннадцатого. Пламя чисти-ли-ща перестанет пылать на несколько часов..." Что такое пламя чистилица?

Кэтрин (убирая письма). Довольно, Олив!

Олив. Нет, что это все-таки такое?

Кэтрин. Папа хочет сказать, что он очень несчастен.

Олив. А ты тоже?

Кэтрин. Да.

Олив (радостно). Ну и я тоже. Можно мне открыть окно?

Кэтрин. Нет. Ты напустишь сюда туману.

Олив. Какой забавный туман - как будто его прогладили утюгом!

Кэтрин. Ну, теперь иди спать, лягушонок!

Олив (стараясь выиграть время). Мама, а когда дядя Хьюберт вернется?

Кэтрин. Мы этого не знаем, дорогая.

Олив. А тетечка Элен останется с нами, пока он не вернется?

Кэтрин. Да.

Олив. Вот это хорошо, правда?

Кэтрин (берет ее на руки). Ну, теперь пора!

Олив (блаженно нежась на руках у матери). Может быть, мне лучше помолиться за ближних, раз победа все равно наступит не скоро? (Уже в дверях.) Ты мне щекочешь под коленкой! (Слышно, как Олив хохочет от удовольствия; затем наступает молчание. Немного погодя раздается ее сонный голос.) Я не хочу засыпать, пока не вернется папа.

Кэтрин возвращается. Она хотела оставить дверь приотворенной, но в это время стучат в другую дверь, которая открывается, и слышен голос няни: "Можно

войти, мэм?" Няня входит.

Кэтрин (плотно закрывает дверь в детскую и идет к няне). Что такое, няня?

Няня (тихо). Я хотела... я не могла бы сделать это днем. Я хочу предупредить вас о своем уходе.

Кэтрин. Няня! И вы тоже!

Она в смятении глядит на дверь детской. Няня размазывает по щеке медленно

текущую слезу.

Няня. Я хочу уйти сейчас же, сразу.

Кэтрин. Покинуть Олив?! Вот это поистине называется воздавать детям сторицею за грехи отцов!

Няня. Я получила еще одно письмо от сына. Нет, мисс Кэтрин, пока хозяин защищает этих чужеземных убийц, я не могу жить в этом доме, особенно сейчас, когда он должен вернуться.

Кэтрин. Но, няня...

Няня. Я ведь не как они (с выразительным жестом) там внизу, не потому ухожу, что боюсь толпы, или что опять будут бить окна, или что мальчишки болтают всякое на улице. Нет, вовсе не потому! У меня сердце исстрадалось! Я мучусь от тоски день и ночь, все думаю о сыне, как он там лежит ночью без теплого одеяла и сухой одежды, и вода у них такая, что и скот пить не станет, и мясо тухлое, с червями.... И каждый день кто-нибудь из его товарищей остается лежать на земле, неподвижный и холодный. Наступит день и, может быть, он сам тоже... Если что-нибудь случится с ним, я никогда этого себе не прощу. Ах, мисс Кэтрин, я удивляюсь, как вы все это переносите - каждый день плохие новости... И у сэра Джона такое мрачное лицо... И хозяин все время выступает против нас, как сам пророк Иона.

Кэтрин. Но, няня, как вы можете оставить нас, вы?

Няня (размазывая слезы по щекам). Сердце говорит мне, что если я останусь, то накличу беду... А ведь сегодня возвращается мистер Мор. Нельзя служить сразу богу и маммоне, как говорится в библии.

Кэтрин. Разве вы не знаете, чего это ему стоит?

Няня. Да, это стоило ему места в парламенте и доброго имени... И это ему еще дороже обойдется, потому что нельзя выступать против родной страны.

Кэтрин. Он следует велению своей совести.

Няня. Так пусть и другие тоже следуют своей совести. Нет, мисс Кэтрин, напрасно вы допускаете это: ведь у вас три брата на войне, а ваш отец весь иссох от тоски. Да вы и сами-то как страдаете уже три месяца. А что вы почувствуете, если что-нибудь там случится с

нашими мальчиками, с моим дорогим мистером Хьюбертом, которого я сама грудью кормила, когда у вашей матушки не было молока? Что бы она сказала, узнав, что вы в лагере его врагов?

Кэтрин. Няня, няня!

Няня. Я читала в газете, что он подстрекает этих язычников и дает иностранцам пищу для разговоров и что за каждый лишний день войны, за каждую каплю пролитой крови ответственность падает на этот дом.

Кэтрин (отворачиваясь). Няня, я не могу... я не буду слушать!

Няня (пристально глядя на нее). Вы-то сумели бы заставить его бросить все это! Я вижу ваше сердце насквозь, милочка. Но если вы этого не сделаете, тогда я должна уйти! (Важно кивает головой, идет к двери в комнату Олив, тихо открывает ее, минуту стоит и смотрит, затем со словами "Мой ягненочек!" бесшумно входит в детскую и закрывает за собой дверь.)

Кэтрин снова поворачивается к зеркалу, отбрасывает назад волосы и проводит рукой по лицу. Дверь из коридора открывается, и раздается голос Элен: "Кэт!

Ты не спишь?"

Кэтрин. Нет.

Элен тоже в халате, с кружевной косынкой на голове. На ее лице написаны

испуг и горе; она бросается в объятия Кэтрин.

Дорогая моя, в чем дело?

Элен. Я видела сон!

Кэтрин. Шш! Ты разбудишь Олив!

Элен (устремив взор вперед). Я только заснула, как сразу увидела равнину, которая как будто врезалась прямо в небо, как этот туман. А на ней какие-то темные предметы. Один из них превратился в тело без головы, а рядом лежало ружье. Дальше сидел человек, весь скорчившись, стараясь зажать рану на ноге. По лицу это был вестовой Хьюберта Рефорд. А потом я увидела Хьюберта. Лицо у него было исхудалое, потемневшее; и у него была рака, страшная рана, вот здесь. (Притрагивается к своей груди.) Из раны текла кровь, и он старался остановить ее... о, Кэт... поцелуями! (Умолкает, подавленная волнением.) Потом я услышала, как Рефорд засмеялся и сказал, что стервятники не трогают живых. А потом откуда-то раздался голос: "О



боже! Я умираю!" И Рефорд начал ругаться, а Хьюберт сказал: "Не надо, Рефорд! Оставь беднягу в покое!" А голос псе звучал и звучал, кто-то стонал и плакал: "Я буду лежать здесь всю ночь и умирать, а потом я умру!" И Рефорд пополз по земле, и на лице у него было дьявольское выражение, как у убийцы...

Кэтрин. Дорогая моя! Как все это страшно!

Элен. А голос все продолжал звучать, и я увидела, как Рефорд взял ружье мертвеца. Тогда Хьюберт вскочил на ноги и пошел шатаясь, такой изможденный, такой страшный, но не успел он дойти до него и остановить, как Рефорд выстрелил в того, кто плакал. А Хьюберт крикнул: "Скотина!" - и сразу упал. А когда Рефорд увидел, что Хьюберт лежит, он начал стонать и рыдать, но Хьюберт уже не шевелился. А потом все опять заволочлось тьмою, и я могла только различить темную женскую фигуру, она ползла сначала к человеку без головы, потом к Рефорду, потом к Хьюберту, и коснулась его, и отпрянула. И она закричала: "А! Ай! Ах!" (Показывая на туман.)  
Смотри! Смотри туда! Темные фигуры!

Кэтрин (обнимая ее). Да, дорогая, да! Ты, должно быть, смотрела в туман.

Элен (охваченная странным спокойствием). Он умер.

Кэтрин. Это был только сон.

Элен. Ты не слышала этого плача. (Прислушивается.) Стивен пришел. Прости меня, Кэт. Не надо было тебя расстраивать, но я не могла удержаться и пришла! (Уходит.)

Кэтрин, которой передалось ее волнение, лихорадочно бросается к окну,

открывает его и высовывается наружу.

Входит Мор.

Мор. Кэт! (Увидев в окне ее фигуру, быстро идет к ней.)

Кэтрин. Здравствуй. (Она уже справилась с волнением.)

Мор. Дай мне взглянуть на тебя! (Увлекает ее от окна ближе к свечам и долго смотрит на нее.) Что ты сделала со своими волосами?

Кэтрин. Ничего.

Мор. Они сегодня какие-то необыкновенные. (Жадно берет их и погружает в них лицо.)

Кэтрин (откидывая волосы). Что же ты ничего не говоришь?

Мор. Наконец-то я с тобой!

Кэтрин (показывая на комнату Олив). Шш!

Мор. Как она?

Кэтрин. Хорошо.

Мор. А ты?

Кэтрин пожимает плечами.

Полтора месяца!

Кэтрин. Зачем ты вернулся?

Мор. Зачем?!

Кэтрин. Послезавтра ты начнешь все сначала. Стоило ли приезжать?

Мор. Кэт!

Кэтрин. Так мне будет еще труднее, только и всего.

Мор (удивленно смотрит на нее). Что с тобой случилось?

Кэтрин. Нелегко полтора месяца подряд сидеть и читать о твоих выступлениях.

Мор. Забудь об этом сегодня. (Касается ее.) Вот что чувствует путник, когда выходит из пустыни к... воде!

Кэтрин (внезапно замечая запекшуюся кровь у него на лбу). Что у тебя со лбом? Он рассечен!

Мор. Царапина!

Кэтрин. Дай я промою!

Мор. Не надо, дорогая! Это пустяки.

Кэтрин (отворачиваясь). Элен только что рассказывала мне свой сон... о смерти Хьюберта.

Мор. Бедная девочка!

Кэтрин. Видеть ужасные сны, и ждать, и прятаться от людей - больше ничего не оставалось делать. Ничего, Стивен, ничего!

Мор. Прятаться? Из-за меня)

Кэтрин кивает.

(С жестом отчаяния.) Так, так... По твоим письмам мне казалось, что ты начинаешь понимать... Кэт! Ты сегодня так хороша! (Вдруг видит, что она плачет, и быстро идет к ней.) Дорогая, не плачь! Видит бог, я не хочу портить тебе жизнь. Хочешь, я уйду?

Она отшатывается от него, а он, пристально взглянув на нее, садится к туалету и начинает перебирать щетки и другие туалетные принадлежности,

пытаясь найти нужные слова.

Никогда не надо загадывать наперед. После всего того, что на меня обрушилось... я думал, что сегодня... будет опять лето... и я думал, что будешь ты... и что...

Пока он говорит, Кэтрин неслышно подходит к нему. Она внезапно падает около него на колени и окутывает его руку своими волосами. Он оборачивается и сжимает ее в объятиях.

Кэт!

Кэтрин. Да! Но... завтра все начнется сначала. Ах, Стивен! Сколько... сколько еще времени мне разрываться надвое? (Откидываясь назад в его объятиях). Я не могу так больше, не могу!

Мор. Моя любимая!

Кэтрин. Откажись от всего этого! Ради меня! Откажись! (Теснее прижимаясь к нему.) И я буду с тобой... и...

Мор. Боже мой!

Кэтрин. Все будет... если... если...

Мор (в ужасе). Как, ты ставишь мне условие? Предлагаешь мне сделку? Ради бога, Кэт!

Кэтрин. Ради бога, Стивен!

Мор. Ты! Даже ты!

Кэтрин. Стивен!

На мгновение Мор самозабвенно сдается в плен, но затем отшатывается.

Мор. Пойти на сделку! Продать душу! (Освобождается из ее объятий, встает и стоит молча, пристально глядя на нее и вытирая пот со лба.)

Кэтрин еще несколько секунд остается стоять на коленях, глядя на него и не понимая, что произошло. Потом ее голова поникает, она тоже встает и стоит поодаль от него, плотно запахнувшись в халат. Как будто на них обоих повеяло ледяным холодом и смертельным стыдом. Неожиданно Мор поворачивается и, не оглядываясь, еле-еле волооча ноги, уходит из комнаты. Когда он ушел, Кэтрин падает на колени и застывает в неподвижности, окутанная своими волосами.

Занавес

## ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

На следующий день в столовой Мора. Сумерки. Окна закрыты, но портьеры не

задернуты. Стил сидит за бюро и пишет письмо под диктовку Мора.

Стил (перечитывает письмо). "Затруднения, конечно, возникнут. Но если городские власти в последний момент запретят нам воспользоваться залом, мы проведем митинг на улице. Пусть объявления будут расклеены, слушатели так или иначе соберутся..."

Мор. Да, в этом можно не сомневаться.

Стил. "Искренне ваш..." Я подписался за вас.

Мор кивает головой.

(Прикладывает пресс-папье и кладет письмо в конверт.) Вы знаете, что все слуги заявили об уходе, за исключением Генри.

Мор. Бедный Генри!

Стил. Отчасти это нервы, конечно... ведь два раза били окна, но отчасти это...

Мор. Патриотизм! Совершенно верно! В следующий раз они сами будут бить здесь окна! Да, кстати... Завтра у вас начинается отпуск, Стил.

Стил. О нет!

Мор. Дорогой мой, да! Вчерашним вечером кончилось для вас это адское испытание. Я искренне жалею, что впутал вас в это дело.

Стил. Кто-то должен выполнять работу. Вы уже и так еле живы.

Мор. Ну, у меня еще хватит пороху!

Стил. Все равно бросьте, сэр. Силы слишком неравны. Чего ради вы будете изводить себя?

Мор. Бороться до конца, зная, что ты должен потерпеть поражение, разве ради этого не стоит продолжать?

Стил. Ну, тогда я не уйду.

Мор. Это мой ад, Стил. А вам нечего в нем больше поджариваться. Поверьте мне, большое утешение - сознавать, что если ты и доставляешь страдания, то только себе.

Стил. Я не могу оставить вас, сэр.

Мор. Дорогой мой, вы просто молодец, но поймите: только чудом с нами до сих пор ничего не стряслось, и больше я не могу нести за вас ответственность. Передайте-ка мне переписку о завтрашнем митинге.

Стил вынимает из кармана какие-то бумаги, но не передает их Мору.

Ну, давайте же! (Протягивает руку за бумагами. Так как Стил все еще отодвигается назад, говорит более резким тоном.) Дайте сюда, Стил!

Стил отдает их.

Ну вот, теперь все. Понятно?

Они стоят, глядя друг на друга; затем Стил, удрученный и расстроенный, поворачивается и выходит из комнаты. Мор, который наблюдал за ним с горькой улыбкой, кладет бумаги в портфель. Когда он закрывает бюро, входит лакей Генри и докладывает: "Мистер Мендип, сэр!" Входит Мендип, и лакей удаляется.

Мор оборачивается к гостю, но не протягивает руки.

Мендип (берет Мора за руку). Позволь мне поговорить с тобой серьезно, мой друг. Миссис Мор сказала мне, что сегодня ты будешь дома. Ты слышал?

Мор. О чем?

Мендип. Мы одержали победу.

Мор. Слава богу!

Мендип. Ага! Значит, ты все-таки живой человек.

Мор. Конечно!

Мендип. Совлеки с себя одеяние мученика, Стивен. Ты просто издеваешься над человеческой природой!

Мор. Итак, даже ты защищаешь толпу!

Мендип. Дорогой мой, ты выступаешь против самого сильного стадного инстинкта в мире. Чего ты ожидаешь? Что первый встречный окажется Дон-Кихотом? Что его любовь к родине выразится в философском альтруизме? Чего ты, черт возьми, ожидаешь? Человек - существо очень примитивное, а толпа есть не что иное, как сгусток всего, что типично для примитивных существ.

Мор. Неверно! Толпа - это сгусток грязи с улиц и рынков, собравшейся в один поток... Их слепой завывающий "патриотизм" - разве это чувствует каждый отдельный человек вот здесь? (Притрагивается к своей груди.) Нет!

Мендип. Ты думаешь, что люди уже переросли инстинкты, но это не так. Они знают одно: что кто-то покушается на некое подобие их самих, которое они привыкли называть Англией. Их что-то захватывает, кудато несет, и они уже ничего не соображают.

Мор. Англия когда-то была страной свободы слова. Страной, где от каждого ждали, что он будет твердо отстаивать свою веру.

Мендип. Ты слишком многого хочешь от человеческой природы, Стивен.

Мор. Значит, если на тебя ополчилось большинство, нужно сложить оружие? Таков по-прежнему твой совет, не так ли?

Мендип. Мой совет: уезжай из города немедленно! Поток, о котором ты говоришь, хлынет, едва только весть о победе распространится. Прошу тебя, мой дорогой, не оставайся здесь!

Мор. Спасибо! Я позабочусь о том, чтобы отправить Кэтрин и Олив.

Мендип. Уезжай с ними! Если твое дело проиграно, нет никаких оснований к тому, чтобы погибал и ты.

Мор. Есть некоторое утешение в том, что не спасаешься бегством. А мне утешение нужно.

Мендип. Это плохо, Стивен, плохо и глупо. Да, глупо! Ну, ладно! Я иду в палату. Как мне выйти?

Мор. Вниз по ступенькам и через калитку. Прощай!

Входит Кэтрин в сопровождении няни, которая уже в шляпе и пальто, с маленьким чемоданчиком в руках. Кэтрин достает из бюро чек и передает его

няне. Мор входит с террасы.

Умно делаете, что уходите, няня!

Няня. Вы плохо обращаетесь с моей бедной дорогой деточкой, сэр. Где ваше сердце?

Мор. В груди. И бьется изо всех сил.

Няня. Ради каких-то язычников. Разве не первое дело - свой собственный дом и очаг? Ведь ваша жена родилась во время войны, когда ее отец сражался, а дед пал смертью храбрых за родину. Разве не больно видеть, когда в ее доме бьют окна и мальчишки на улицах показывают на нее пальцами?

Мор выдерживает эту атаку молча и смотрит на жену.

Кэтрин. Няня!

Няня. Это бесчеловечно, сэр, - то, что вы делаете! Больше заботиться об этих дикарях, чем о собственной жене! Да вы взгляните на нее! Разве вы когда-нибудь видели, чтобы она так выглядела? Берегитесь, сэр, а не то будет слишком поздно.

Мор. Довольно, прошу вас!

Няня минуту стоит, не зная, что делать, потом бросает долгий взгляд на

Кэтрин и уходит.

(Спокойно.) Сообщают, что мы одержали победу. (Выходит.)

Кэтрин тяжело дышит, вслушиваясь в отдаленный гул и шум, возникающий на

улице. Она бежит к окну, но в это время входит лакей Генри.

Генри. Сэр Джон Джулиан, мэм!

Сэр Джон входит с газетой в руках.

Кэтрин. Наконец-то! Победа!

Сэр Джон. Благодарение богу! (Протягивает ей газету.)

Кэтрин. О папа! (Раскрывает газету и начинает лихорадочно читать.) Наконец-то!

Отдаленный гул на улице все нарастает. Но сэр Джон, после краткого мгновения

радости, когда он протянул ей газету, молчит, опустив голову.

(Внезапно уловив его серьезность.) Папа!

Сэр Джон. Есть и другое известие.

Кэтрин. Что-нибудь случилось с нашими мальчиками? С Хьюбертом?

Сэр Джон склоняет голову.

Он убит?

Сэр Джон снова склоняет голову.

Бедная Элен! (Закрывает лицо руками.) Ее роковой сон!

Они стоят несколько секунд молча, затем сэр Джон поднимает голову и касается

рукой ее мокрой щеки.

Сэр Джон (хрипло.) Кого боги любят...

Кэтрин. Но Хьюберт!

Сэр Джон. А такие старые развалины, как я, продолжают жить!

Кэтрин. Папочка!

Сэр Джон. Но теперь мы разгоним этих мерзавцев! Мы раздавим их! Стивен вернулся?

Кэтрин. Вчера вечером.

Сэр Джон. Кончил он наконец свои кощунственные выступления?

Кэтрин качает головой.

Нет? (Видя, что Кэтрин дрожит от волнения, гладит ее руку.)  
Дорогая моя! Смерть посетила многие дома.

Кэтрин. Я должна пойти к Элен. Скажи Стивену сам, папа. Я не могу.

Сэр Джон. Как хочешь, дитя мое.

Она выходит, оставив сэра Джона наедине с его глубокой, задумчивой скорбью;

через несколько секунд входит Мор.

Мор. Да, сэр Джон. Вы хотели меня видеть?

Сэр Джон. Хьюберт убит.

Мор, Хьюберт!

Сэр Джон. Теми, кого ты защищаешь. Кэтрин просила меня сообщить тебе об этом. Она пошла к Элен. Я знаю, ты только вчера вечером вернулся из своей... У меня нет слов, чтобы подобрать этому название. Я не знаю, какие у вас сейчас отношения с Кэтрин, но я скажу тебе одно, Стивен: в эти два последние месяца ты подверг ее таким испытаниям, каких не выдержала бы ни одна женщина на свете!

Мор делает жест, выражающий страдание.

Когда ты избрал свою линию поведения...

Мор. Избрал!

Сэр Джон. Ты пошел наперекор всем ее чувствам. Ты знал, что это могло случиться, что это может произойти и с другим из моих сыновей...

Мор. Я охотно поменялся бы местами с любым из них.

Сэр Джон. Да, я могу поверить, что ты также несчастен. Я не могу представить себе большего несчастья, чем выступить против своей родины. Если бы я мог возвратить Хьюберту жизнь такой ценой, я бы не пошел на это, нет, даже ради всех моих сыновей. Pro patria mori... {Умереть за отечество (лат.). Часть стиха из оды Горация: "Dulce et decorum est pro patria mori" "Смерть за отчизну сладка и прекрасна"...} Мой мальчик, по крайней мере, счастлив!

Мор. Да!

Сэр Джон. И тем не менее ты собираешься продолжать. Что за демон гордыни вселился в тебя, Стивен?

Мор. Неужели вы воображаете, что я считаю себя лучше любого самого незаметного солдата, который сейчас там дерется? Ни в коем



случае!

Сэр Джон. Я тебя не понимаю. Я всегда думал, что ты предан Кэтрин.

Мор. Сэр Джон, считаете ли вы, что родина выше, чем жена и ребенок?

Сэр Джон. Да, несомненно.

Мор. Ну вот, и я считаю так же.

Сэр Джон (ошеломленный). Что бы ни делала моя страна, не мне судить ее, как не мне судить господа бога. (Вкладывает в свои слова всю муку, которую он перенес во имя родины.) Моя страна!

Мор. Я бы отдал все на свете за такую веру!

Сэр Джон (недоумевая). Стивен, я никогда не считал тебя сумасбродом, я всегда верил в твой здравый смысл и честность. Но это бред, видения маниака.

Мор. Видение того чего еще нет, но будет.

Сэр Джон. Неужели тебе мало того, что достаточно хорошо для величайшей из наций, для лучших людей на земле? Я знал таких людей, я видел, на какие страдания они шли во славу родины.

Мор. Сэр Джон, но подумайте и вы, чем были для меня последние два месяца! Видеть, как люди отворачиваются от тебя на улице, как старые друзья проходят мимо, будто тебя и нет! Бояться вскрыть очередную почту! Каждый вечер ложиться спать, слыша под окном улюлюканье, гиканье и свист! Знать, что твое имя упоминается не иначе, как с презрением.

Сэр Джон. У тебя есть новые друзья. Их много, как говорят.

Мор. Разве это вознаграждает за то, что тебя буквально оплевывают, как это сделали вчера вечером? Ваши битвы - детская игра по сравнению с этим.

Шум и гомон толпы на улице становятся громче. Сэр Джон поворачивает голову к окну.

Сэр Джон. Ты слышал, что мы одержали победу? Неужели твои чувства стали настолько противоестественны, что ты жалеешь об этом?

Мор качает головою

Ну, и на том спасибо. Ради бога, Стивен, остановись, пока дело еще поправимо. Не губи свою жизнь с Кэтрин. Хьюберт был ее

любимым братом. Ты поддерживаешь тех, кто убил его. Подумай, что это для нее значит! Оставь свое безумное донкихотство - идеализм - или как ты это там называешь. Увези Кэтрин отсюда. Уезжай из Англии, пока все не образуется, - из Англии, против которой ты выступаешь и... и которую порочишь! Увези жену. Ну какая польза от всего, что ты делаешь? Какая польза, черт подери? Послушайся меня, мой друг, пока не поздно, пока ты еще не погубил себя.

Мор. Сэр Джон! Наши люди умирают там за свои убеждения! Я считаю, что мои убеждения выше, лучше, нужнее для человечества. Неужели я должен трусливо увильнуть от борьбы? С тех пор как я начал эту кампанию, я нашел сотни людей, которые благодарны мне за ту позицию, которую я занял. Они смотрят на меня, как на своего вождя. Неужели я должен покинуть их? Когда вы вели солдат на смертный бой, разве вы спрашивали себя, хорошо ли это и уцелеете ли вы сами? Я тоже веду смертный бой, и мое дело - не предать тех, кто следует за мной, не дать угасить огонь - священный огонь! - не только в Англии, но и во всех странах мира на вечные времена.

Сэр Джон (долго и пытливо смотрит на него). Тебя в какой-то мере оправдывает твоя вера в то, что ты говоришь. Но позволь мне сказать тебе, что о каком бы там огне ты ни поминал, - я слишком устарел, чтобы разобраться в этом, - но есть огонь, который ты сам гасишь, - это любовь твоей жены. Боже мой! Если твои новые друзья, вся эта свора сумасбродов и болтунов, может вознаградить тебя за утрату ее любви, за гибель твоей карьеры, за потерю всех тех, кто раньше любил тебя и уважал, - тем лучше для тебя! Но если ты обнаружишь, что тебя больше никто не любит, почувствуешь себя одиноким, как последний человек на земле, если все это кончится твоим полным крахом и гибелью - а так оно и должно быть, - я не могу и не стану жалеть тебя! Спокойной ночи! (Идет к Двери, открывает ее и выходит.)

Мор остается стоять совершенно неподвижно. Гул и ропот на улице все время нарастают и понемногу вторгаются в его сознание. Он подходит к окну в нише и выглядывает, затем звонит. Никто не появляется, и, включив свет, он звонит опять. Входит Кэтрин. На ней черная шляпа и черное пальто. Она говорит

холодно, не глядя на него.

Кэтрин. Ты звонил?

Мор. Я хотел, чтобы в комнате закрыли ставни.

Кэтрин. Слуги ушли. Они боятся, что дом подожгут.

Мор. Понимаю.

Кэтрин. У них нет твоих идеалов, и они не так стойки.

Мор вздрагивает, как от боли,

Я уезжаю с Элен и Олив к отцу.

Мор (пытается осознать точный смысл ее слов). Очень хорошо.

Ты предпочитаешь ехать туда, а не в гостиницу?

Кэтрин кивает.

(С нежностью.) Поверь мне, Кэт, я переживаю все это вместе с тобой - и гибель Хьюберта.

Кэтрин. Перестань! Я должна была сказать прямо. Я больше не вернусь.

Мор. Не вернешься?... Пока дом...

Кэтрин. Нет. Никогда.

Мор. Кэт!

Кэтрин. Я предупреждала тебя с самого начала. Ты зашел слишком далеко!

Мор (глубоко взволнованный). Ты понимаешь, что это значит? После десяти лет... и всей нашей любви!

Кэтрин. А может быть, любви и не было? Разве ты мог любить такую негероическую женщину, как я?

Мор. Это безумие, Кэт... Кэт!

Кэтрин. Вчера я была готова забыть обо всем. Но ты не мог. Если ты не мог вчера, ты никогда не сможешь. Ты слишком возвышенная натура, Стивен; а я не могу и не буду жить с тем, с кем я не чувствую себя равной. Все началось с того вечера, когда ты произнес свою речь. Я уже тогда сказала тебе, чем это кончится.

Мор (пытаясь обнять ее). Не будь такой жестокой!

Кэтрин. Не надо. Давай говорить начистоту! Какая может быть любовь между людьми, которые так далеки друг от друга? Пусти меня!

Мор. Боже мой, но что я могу сделать, если у нас с тобой разные убеждения?

Кэтрин. Вчера вечером ты употребил слово "сделка". Совершенно верно. Я хотела подкупить тебя. Я хотела убить твою веру. Ты мне

сказал, как называется то, что я делаю. Но я не хочу, чтоб меня называли вымогательницей, Стивен.

Мор. Видит бог, я не хотел...

Кэтрин. Если я духовно чужда тебе, то я не собираюсь оставаться твоей... наложницей.

Мор, точно его хлестнули бичом, поднимает руки, как бы заслоняясь от удара.

Да, это жестоко! Зато это показывает, на каких недостижимых высотах ты обитаешь. И я не хочу тащить тебя вниз.

Мор. Ради бога, забудь на минуту о своей гордости и пойми: я борюсь за свои убеждения, за то, во что я верю! Что еще делать человеку на земле? Что еще? Ах, Кэт! Пойми же!

Кэтрин. Я задыхаюсь здесь. Ведь я-то ничего не делаю. Сижу и молчу, а в это время мои братья сражаются и... умирают. Но теперь я постараюсь поехать туда сестрой милосердия. Элен поедет со мной. У меня тоже есть моя вера, мои убеждения - моя жалкая, банальная любовь к родине. Я не могу оставаться здесь с тобой. Я всю ночь просидела на полу - все думала, - и теперь я знаю!

Мор. А Олив?

Кэтрин. Я оставлю ее с няней у отца. Если ты только не запретишь мне увезти ее. Ты ведь можешь это сделать.

Мор (ледяным тоном). Ты прекрасно знаешь, что этого я не сделаю. Ты свободна идти куда хочешь и взять ее с собой.

Кэтрин (очень тихо). Спасибо! (Внезапно поворачивается к нему и как бы магнитом притягивает к себе его взгляд. Не говоря ни слова, она вкладывает в этот взгляд всю свою силу.) Стивен! Брось все это! Вернись ко мне!

Праздничные звуки с улицы доносятся все громче. Слышны свистки и пищалки,

радостные крики.

Мор. И тонуть вот в этой грязи?..

Кэтрин быстро поворачивается к двери. Там она останавливается и снова глядит

на него. На ее лице загадочное выражение, отражающее борьбу ее чувств.

Итак, ты уходишь?

Кэтрин (шепотом). Да. (Наклоняет голову, открывает дверь и выходит.)

Мор делает движение, словно хочет догнать ее, но в дверях показывается Олив.

На ней белое пальтецо и круглая белая шапочка.

Олив. Ты с нами не поедешь, папа?

Мор качает головой.

А почему?

Мор. Не думай об этом, моя птичка.

Олив. На автомобиле теперь быстро не поедешь. На улице столько народу! А ты остаешься, чтобы не дать им поджечь дом?

Мор кивает.

Можно мне тоже остаться ненадолго?

Мор качает головой.

Почему?

Мор (кладет ей руку на голову). Иди, иди, маленькая!

Олив. О! Приласкай меня немного, папочка!

Мор берет ее на руки и нежно целует.

Оо-о!

Мор. Беги, моя радость!

Олив идет, оглядывается на него, потом поворачивается и убегает. Мор провожает ее до двери. Затем, когда до его сознания полностью доходит смысл случившегося, он бросается к окну в нише, вытягивает шею, чтобы увидеть подъезд. Слышны шум тронувшегося автомобиля и непрерывные гудки, которые

дает шофер, пробираясь через толпу. Мор отворачивается от окна.

Одинок, как последний человек на земле!

Внезапно из нестройного гула и шума улицы отчетливо выделяется голос: "Вот он где! Вот он! Мор! Предатель! Мор!" В оконные стекла барабанит целый град ореховой скорлупы, апельсиновых корок и тому подобных безвредных снарядов. Слышны вопли: "Мор! Предатель! Штрейкбрехер! Мор"! В окне видны развевающиеся флаги и зажженные китайские фонарики на длинных бамбуковых палках. Гул проклятий и ругательств все нарастает. Мор стоит, не обращая на это внимания, все еще глядя вслед машине. Затем брошенный камень с треском разбивает одно из стекол окна. За этим следуют взрыв хриплого смеха и глухой рев толпы. Второй камень

разбивает другое стекло. На одно мгновение Мор с презрительным видом поворачивается лицом к улице, и китайские фонарики бросают отсвет на его лицо. Далее, как бы совершенно забыв о шуме и грохоте снаружи, он уходит обратно в комнату, оглядывается по сторонам и опускает голову. Шум становится все громче и громче; третий камень влетает в комнату. Мор снова поднимает голову и, сжав руки, смотрит перед собою. Входит лакей

Генри и поспешно идет к двери на террасу.

А, это вы, Генри! Я думал, что вы ушли.

Генри. Я вернулся, сэр.

Мор. Вы славный мальчик!

Генри. Они пытаются ворваться в дом через террасу, сэр. Они не имеют права вторгаться в частные владения, что бы там ни было!

На террасу врывается толпа. Лакей Генри пытается оказать сопротивление, но его отталкивают, затирают, и больше мы его не видим. Толпа состоит из участников уличного шествия: студенты-медики и, клерки, лавочники, девушки и один или два бойскаута {Детская военная организация в Англии.}. Многие из них обменялись шляпами, на иных надеты маски и приставные носы, у других перья и жестяные свистульки. Некоторые размахивают на террасе бамбуковыми палками с китайскими фонариками. Стоит громкий, неясный гул. Зачинщиками во всем этом хаосе и смятении является группа студентов. Их вожак, выделяющийся среди остальных тем, что он без маски и прочих украшений, - молодой человек атлетического сложения, с непокрытой головой, с выдающейся нижней челюстью и черными, как уголь, густыми усами; размахивая своими огромными руками и работая плечами, он как бы управляет общим потоком. Когда первая волна гула и движения стихает, он кричит: "Давай к нему, ребята! Окажем триумфальные почести герою!" Студенты бросаются к спокойно стоящему Морю, грубо хватают его, поднимают на плечи и так проносят по всей комнате. Когда они дважды обошли вокруг стола под звуки своих нестройных песен, под хриплые возгласы и свист, вожак студентов командует: "Опустить его". Они послушно опускают его с плеч, ставят на стол, который уже придвинут к окну в нише, и выстраиваются

вокруг, тупо уставившись на Мора.

Вожак студентов. Речь! Речь!

Шум стихает, и Мор обводит всех взглядом.

Ну, начинайте, сэр!

Мор (спокойным голосом). Прекрасно! Вы находитесь здесь по праву, которым руководствуется в своих действиях любая толпа, - по праву сильного. По этому праву вы можете делать с моим телом все, что хотите.

Голос. И сделаем!

Мор. Я в этом не сомневаюсь. Но сначала я вам скажу несколько слов.

Голос. На это ты мастер!

Кто-то издает ослиный рев.

Мор. Вы - толпа, самое презренное, что только есть на земле. Когда вы выходите на улицу, бог скрывается с небес.

Вождь студентов. Поосторожнее, эй, вы, сэр!

Голоса. Долой его! Долой мерзавца!

Мор (возвышая голос над ропотом толпы). Друзья мои, я не боюсь вас... Вы ворвались в мой дом и требуете от меня речи. Раз в жизни вам придется выслушать правду! (Его слова гремят над толпой.) Вы те, кто избивает слабых, грубо толкает женщин, заглушает своим воем слова свободы. Сегодня вы за одно, завтра - за другое. Мозг? У вас нет его ни крупицы! Душа? У вас нет ее и тени! Если на свете существует подлость, то вы ее истинное воплощение! Если на свете существует трусость, то вы ее настоящий символ! (Голос его заглушает нарастающие вопли ярости.) Патриотизм? Есть две разновидности его - патриотизм солдат и мой патриотизм! Но у вас нет ни того, ни другого!

Вождь студентов (сдерживая опасный натиск). Стой! Подождите! (Мору.) Дайте клятву не произносить больше кощунственных речей против своей родины. Клянитесь!

Толпа. А-а-а!

Мор. Моя родина - это не ваша родина! Моя родина - великая страна, которая никогда не воспользуется слабостью других народов. (Заглушая рычание толпы.) Да! Вы можете проломить мне череп и разбить окна, но не думайте, что вы можете сломить мою веру. Это-то вам не удалось, даже если бы вас был миллион против одного!

Девушка с темными глазами и растрепанными волосами выскакивает из толпы и

грозит ему кулаком.

Девушка. Ты заодно с теми, кто убил моего парня!

Мор сверху отвечает ей улыбкой, и тогда она быстро выхватывает нож из-за

пояса бойскаута, стоящего рядом с ней.

Ты еще улыбаешься, собака!

Неистовый натиск толпы швыряет Мора вперед, прямо на лезвие ножа. Он откидывается назад, потом падает вниз, прямо в толпу. Визг толпа дрогнула, слышен гул восклицаний. Вожак студентов покрывает общий шум своим голосом:

"Тише!" Голос другого студента: "Боже мой! Он убит".

Вожак студентов. Расступитесь!

Толпа отхлынула, и два студента, склонившись над Мором, поднимают его руки и голову, которые снова падают, как будто налитые свинцом. Студенты тщетно

пытаются обнаружить в нем признаки жизни.

Ей-богу, все кончено!

Тогда начинается паническое бегство из комнаты. Кто-то выключает свет, и в темноте толпа быстро рассеивается. Тело Мора лежит, освещенное мерцанием одного китайского фонарика. Бормоча про себя: "Бедняга! И все-таки он не сдался!", - вожак студентов поднимает с пола забытый кем-то маленький английский флаг и кладет его на грудь Мора. Затем он тоже поворачивается и убегает. А тело Мора лежит в полосе света; и шум на улице все нарастает.

Занавес падает, но почти мгновенно поднимается снова.

### ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ КАРТИНА

Поздняя весна. Едва начинает рассветать. На фоне распускающихся деревьев, за которыми маячат вдали дома одной из лондонских площадей, в разгорающемся сиянии зари стоит темная статуя в человеческий рост на гранитном пьедестале. Впереди нее - широкий, еще темный тротуар. Свет все усиливается, и вот уже

можно ясно различить слова, высеченные на пьедестале:

ВОЗДВИГНУТ

В ПАМЯТЬ

СТИВЕНА МОРА

человека, оставшегося  
верным своим идеалам!



Высоко вверху - лицо Мора; с легкой улыбкой на губах он  
смотрит вперед, прямо перед собой. На плече у него и на обнаженной  
голове уселись два

воробья, а из окрестных садов доносится щебет и пение птиц.

Занавес

1914 г.